

АЛЕКСАНДР ГРЕБНЕВ

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ
КОМИССАРИАТ

Annotation

Особый отдел пополняется новым сотрудником, в город прибывают очень странные люди, а мир оказывается немного не таким, каким кажется.

0101. Бригита. Цепочка незначительных совпадений

— Стиинэ, — сказал Робин, — Не помню, как по справочнику, но на языке хэль это называется "стиинэ". Эффект, производимый локальным сжатием реальности, когда родственные между собой элементы концентрируются вокруг одной персоны. Вполне естественное явление. Иногда шумит в голове от того, что на солнце повышенная активность, иногда чувствуешь себя выжатым потому что скакнуло атмосферное давление, а иногда начинаешь везде наткаться на одно и то же, как будто мир тебе старается на что-то намекнуть.

Он катал в ладонях картонный стакан с чаем и смотрел поверх плеча Бригиты. Потом перевёл взгляд на её лицо. Глаза у него двигались несинхронно — правый, зелёный, немного запаздывал, на полсекунды отставая от левого, коричнево-жёлтого. Бригита озадаченно поморщилась:

— Никогда о таком не слышала.

— Разумеется, не слышала. Такого на курсах не рассказывают. Это из дебрей фундаментальной науки — бирюльки, к которым играют узкие специалисты. На прикладную область оно никак не влияет.

— Искажение реальности? Не влияет?

— Я, наверное, не вполне точно выразился. Слышала, как говорят: если ты не можешь за пять минут объяснить семилетнему ребёнку, чем занимаешься — значит, ты профнепригоден? Я, очевидно, профнепригоден, — Робин улыбнулся прокуренными крупными зубами.

Бригита смущённо ответила на улыбку. Рядом с Робинем она чувствовала себя неудобно. Может, из-за того, что он так просто и дружелюбно с ней держался, хотя был втрое старше и знал её меньше двух недель. Может, из-за того, что выглядел он не как полицейский, а скорее как бродяга. Спутанные седые волосы до плеч, в которые вплетены деревянные бусины — разноцветные, но тусклые и потёртые. Заострившиеся, словно от недоедания, скулы, подчёркнутые большим горбатым носом. Тёмная, будто немытая, кожа, жёлтые от табака пальцы. А может, просто потому, что он был хэль. Первый и пока единственный из тех, с кем Бригите доводилось разговаривать. К последнему, впрочем, стоит начать привыкать — здесь, на западе, хэль встречаются чаще.

— Ладно! — Робин отставил стакан и хлопнул в ладоши, — Начнём сначала. На объективную реальность стиинэ не влияет. Только на субъективную. Образно говоря, список элементов реальности, которые ты воспринимаешь, некоторым образом сортируется. И сходные элементы оказываются рядом. Поэтому, когда ты видишь один, ты сразу замечаешь рядом и другие похожие. Так понятнее?

— Наверное. Мне больше интересно не как это работает, а что с этим делать.

— Ничего, — Робин улыбнулся ещё шире, — Просто переждать, как скачок давления или магнитную бурю. Хотя тебе может казаться, что мир пытается тебе на что-то намекнуть, на самом деле это не так. Видеть знаки в стиинэ — всё равно, что пытаться искать их в том, каким строем пролетели птицы. Или как легли листики чая, когда стакан допит. Явления одного порядка.

Это было сорок минут назад, в пустой столовке на первом этаже комиссариата. Сейчас

Бригита сидела и думала о случайных совпадениях. О том самом, что преследовало её сегодня с утра. О совпадениях жарко спорили две безвкусно одетые попутчицы в трамвае, когда она ехала на работу. Совпадения обсуждали патрульные на пересменке, наперебой вспоминая, кому когда сильнее повезло или не повезло. На утренней летучке Кир, объявив, что по новому расписанию им теперь полагается два пистолета на троих, первый сразу протянул Бригите со словами "Один точно тебе — а то случаи-то разные бывают". После этого они долго спорили с Робинем, кому из них достанется второй — каждый настаивал, что сидит в кабинете куда больше, и потому ему ствол точно не нужен. А Бригита перебирала стопку ориентировок на разыскиваемых преступников — ритуал, который повторялся каждое утро — и почти сразу заметила, что в этот раз они будучи случайно перемешанными, выстроились строго по алфавиту, за исключением буквы "Я", которая вылезла в самый верх.

Она сидела неподвижно и почти не слышала шум кафе вокруг. Хотя обеденный перерыв был всего ничего, она уже на третий день работы поняла, что лучше поесть торопливо, но вкусно, потратив пятнадцать минут на дорогу туда-обратно, чем без спешки давиться комковатым серым пюре и пережаренными котлетами в столовой. Она почти не смотрела на газету перед собой — тем более, что успела её прочитать, пока несли суп. Торжественное открытие скоростного железнодорожного маршрута в Альтапакии, продолжаются поиски пропавшего накануне военно-транспортного самолёта в северных отрогах Кименского хребта. Ненужные новости далёких стран, совершенно неважные на фоне того, что она видела сейчас.

Она думала о том, кто из троих вызывает у неё сейчас наибольшую злость и досаду. Робин, столь уверенно утверждавший, что это его треклятое хэльское стиинэ не влияет на объективную реальность? Кир, всучивший ей оружие "на всякий случай" и настоявший потом, чтобы она не забыла получить в оружейке патроны? Или Дерек Янг, единственный разыскиваемый преступник на букву "Я", который утром оказался наверху стопки ориентировок? Дерек Янг, политический террорист, ветеран нескольких горячих точек. Вероятнее всего, вооружённый и определённо очень опасный. Сидящий прямо сейчас за соседним столиком.

Колёсики в мозгах Бригиты вращались с бешеной скоростью. Казалось, мир вокруг замер. Цвет волос и глаз не совпадал с ориентировкой — но это вещи, которые легко поменять. Лицо определённо шире и круглее, чем на фото — кажется, террорист в бегах неплохо питается и забросил физические упражнения. На беглый взгляд его не узнать, но человек, наученный смотреть в первую очередь на форму черепа, которую невозможно поменять никакими операциями, без труда поймёт, кто перед ним. Если, конечно, будет помнить. Бригита часами перебирала ориентировки потому, что пока для неё, как для новенькой, работы почти не было. Более занятой полицейский или таможенник, обращает на такое меньше внимания. Те, кто в розыске давно, как Янг, уже успевают ему примелькаться и вытесняются в дальние уголки памяти более свежими заботами. Хаппро — городок небольшой, но приезжих здесь много. Море рядом, живописная гора, название которой Бригита так пока и не запомнила, старый замок, ещё несколько достопримечательностей. Достаточно известных, чтобы чужаки не вызывали в городе удивления, но недостаточно известных, чтобы превратить его в туристический центр. А ещё тут много лодок и катеров. А в нескольких десятках миль — острова, в лабиринте которых, говорят, путаются иногда даже местные рыбаки. А за островами — граница. Сунуть любому

из владельцев катера пачку денег или нож в лицо — и никто тебя не сможет ни перехватить, ни задержать.

Никто.

Кроме двадцатидвухлетнего младшего следователя Бригиты Лин, которая сейчас изо всех сил пытается вспомнить, дослан ли у неё патрон в ствол пистолета. Потому что, наверное, придётся стрелять. Оружия, просто направленного на него, тем более щуплой девчонкой, Янг не испугается. Он, говоря по совести, таких, как Бригита, на завтрак ест. Так что придётся стрелять. И тут было две проблемы. Во-первых, Бригита не помнила, дослан ли патрон. Во-вторых, она была совсем не уверена, что сможет выстрелить в человека.

Янг кинул на столик пригоршню монет, встал и направился к выходу. Бригита отчётливо понимала, что если он сейчас уйдёт — это навсегда. И что она должна не дать ему уйти. Она боялась, что запутается в застёжке кобуры, но тёплый от её тела Д-4 скользнул в ладонь, как живой. По инструкции следовало представиться и крикнуть "Вы арестованы!" Бригита не была уверена, что это хорошая идея — впрочем, горло у неё всё равно перехватило так, что она, кажется, не смогла бы издать ни звука. Она поднялась из-за столика, направила ствол точно между лопаток удаляющейся спины и свободной рукой дёрнула затвор. Вылетел цилиндрок патрона — значит, всё же был дослан. Начала выбирать мёртвый ход спускового крючка — и остановилась. Потому что в прицеле был живой человек.

Янг замер и обернулся. Движения его вовсе не были стремительными или безупречными, как ожидала Бригита. Напротив — он, кажется, даже вздрогнул от звука затвора. Но на его лице страха не было.

— Как знал, что надо было сразу к причалу двигать, — сказал он негромко.

Бригита услышала его отчётливо — в кафе повисло безмолвие, только с кухни продолжал доноситься звон посуды. Все вокруг замерли в тех позах, в которых их застал металлический щелчок.

Бригита смотрела Янгу прямо в глаза. Так легко можно уловить момент, когда противник решит что-то сделать. Правда, выстрелить при этом ещё труднее.

— Ты зря это, девочка. Меня же свинец не берёт.

Бригита успела подумать о том, что спецбоеприпасы под новый калибр им не завезли, и обещали не раньше следующего квартала. А ещё успела подумать, что вот прямо сейчас, когда разум успел добавить в картину реальности новый элемент, но не успел его полностью осознать, надо выстрелить. Ведь если Янга не берёт свинец, то ничего страшного она ему этим не сделает. А о том, что он может блефовать, она подумает позже.

Собственно, подумала она об этом ровно когда спусковой крючок дошёл до упора и ударил выстрел. Она всегда отличалась быстротой мысли. Вокруг начали кричать и вскакивать с мест.

Двадцать минут спустя, когда в кафе снова было не протолкнуться — но на этот раз от полицейских — Бригита сидела всё за тем же столиком и пыталась отпить из чашки так, чтобы зубы не стучали о край. Чашку ей вручил Кир и сказал, что это поможет. Судя по резкому запаху, там был отнюдь не чай. Пистолет лежал на скатерти, и от него тоже резко пахло — кислым и острым. Парочка санитаров скорой помощи с остолбеневшими выражениями на лицах пристёгивали Янга ремнями к носилкам. Впрочем, такие лица здесь были у всех. Бригита боялась представить, какое лицо у неё.

— Врач сказал — жить будет, — Робин сел напротив и положил руки на стол. Потом кивнул на грудь Бригиты: Хороший костюм, жалко, что придётся испортить.

— Испортить?

— Ну да. Дырку под орден провертеть.

— Оставь её, косматый. Ей не до твоих шуток сейчас, — над столиком навис Кир, — Так, а ты давай-ка домой. Сегодня у тебя выходной и завтра тоже. Отчёт послезавтра напишешь. Всё, свободна!

Бригита шагала домой, и на душе у неё было пусто, но удивительно спокойно. Впереди солнце медленно начинало клониться к закату, купая в своих лучах крыши городка и гору, названия которой она не помнила.

0102. Робин. Приближение осени

— Ты, главное, если что — падай и ползи назад. Нехрен. Пускай сапоги воюют, — Кир шумно высморкался за борт и в десятый раз полез проверять пистолет. Заглянул в патронник, пощёлкал предохранителем, убрал обратно в кобуру.

Лодку самую малость покачивало. Не из-за волнения — поверхность моря была гладкой, как зеркало — а из-за того, что пограничники гребли несинхронно. Не столько от нехватки умения, сколько от недостатка старания. Им вообще всё происходящее откровенно не нравилось, и поскольку капрал сидел на носу, за их спинами, натягивать довольные мины они даже не пытались. Робин с Киром же сидели как раз на корме, поэтому уже почти сорок минут им приходилось лицезреть шесть кислых физиономий. Реплику Кира они слышали, но отчего-то не отреагировали — только один чуть усмехнулся. Робин подозревал, что никакого "если что" не будет, и все, кроме них с Киром, прекрасно об этом знают.

Робин смотрел, чуть прищурившись, на пограничников, на выбритый до синевы затылок капрала с расплывчатой татуировкой — зажатая в кулаке латной перчатки молния — на Кира. Лодка неторопливо скользила в протоке между двумя скалистыми берегами островков. Впереди виднелся высокий горб ещё одного острова, поросший низким лесом. На вершине возвышалась скособоченная решётчатая конструкция, явно заброшенная — то ли наблюдательная вышка, то ли геодезический знак.

— Мне кажется, шеф, ты слишком переживаешь, что придётся воевать. Не придётся. Нас девять. Островов добрых четыре дюжины. На прочёсывание — сутки. Даже если тут кто-то есть, мы его не найдём.

— Да знаю я, — буркнул Кир, мотнув крупной угловатой головой, — Мне просто весь этот мутный движняк не нравится, вот и нервничаю. Ежу понятно было, что ничем хорошим это всё не кончится. Привлекать внимание начальства — вообще дело последнее. Но что кому-то из округа стунет в голову затеять облаву — такого я не ждал. Что они завтра придумают? Обеспечить силами отдела пропускной режим в городе?

— Ну, хотя бы медаль Бригите выписали.

— Она ещё нахлебается — никакая медаль не утешит. И, главное, почему мы вообще? Да, я понял — моя сотрудница взяла террориста. Но это что, повод посылать за его гипотетическими дружками нас? У нас вообще другая работа.

— У нас нет работы. Ты не хуже меня это знаешь.

— Вот загигать только не надо! — Кир ткнул в Робина пальцем, его голос повисился и разносился теперь над водой явно далеко, — Два-три профильных дела в год у нас есть стабильно. И ты именно что не хуже меня это знаешь!

— Два-три дела в год. Каждое — на сутки. Ну, на двое. Остальное время мы решаем кроссворды, плюём в потолок и обсуждаем погоду.

Кир хотел что-то возразить, но, подумав, закрыл рот. Его лицо было красным, на висках выступили капельки пота. Робин отвёл взгляд и обнаружил, что пограничники выглядят куда бодрее, чем до этого, и с интересом прислушиваются к перебранке. Даже гребут как-то энергичнее. Капрал обернулся и рявкнул:

— А ну, табань, тараканья немочь! Грохнете баркас — выбираться вплавь будете!

Бойцы, встрепенувшись, принялись грести в обратную сторону, и лодка начала замедляться. К берегу она подошла совсем медленно. Осторожно ткнулась носом в гальку.

Капрал выпрыгнул первым и тут же начал раздавать распоряжения. Робин и Кир, отрезанные от суши столпотворением пограничников, наблюдали, как те разгружают лодку. Оружием никто из них не озаботился — все шесть карабинов, подняв с расстеленного на дне лодки брезента, вручили самому молодому. Остальные принялись вытаскивать вещмешки, а двое самых крепких бережно, как хрустальную, потащили рацию.

К тому моменту как лодка опустела и стало возможно выбраться на берег, не замочив ног, первые пограничники успели подняться далеко навверх по извилистой тропке. Цепочка растянулась почти на половину высоты холма, по сторонам никто не смотрел.

— Как я и подозревал, — буркнул Робин, разминая ноги, — Хороший остров. С берега не виден. Сиди весь день да докладывай. Там ищем, тут ищем. Ничего не находим.

— Они слишком расслабленные какие-то, — Кир помахал руками и сделал несколько приседаний. Ему, с его массивной фигурой рельсоукладчика, всю дорогу пришлось сидеть неподвижно, иначе лодку начинало качать.

— Потому что здесь нет никого. Может, пара браконьеров. Которые на полдюжины погранцов не сунутся — потому что незачем и слишком опасно. Террористов точно никаких.

— Твоими бы устами... Ладно, пошли, а то у меня от сырости уже кости сводит.

Когда они поднялись на вершину, сооружение лагеря было в самом разгаре. Ставилась палатка, гремели котелки, из подлеска рядом доносился стук металла по дереву. Капрал, благодушно ухмыляясь, раскуривал изогнутую трубку и время от времени покрикивал на бойцов. Скорее просто для порядка — теперь, когда вместо махания вёслами предстояла куда более лёгкая работа, а впереди маячила перспектива обеда, пограничники повеселели и старались на совесть.

Час спустя шум и возня, наконец, затихли, и на вершине воцарилась идиллия. Потрескивал костёр, что-то бормотала рация, которую поставили в стороне, под отдельным брезентовым навесом, прокинув антенну по ветвям ближайших деревьев. Молодого загнали на верхушку решётчатой конструкции, которая при ближайшем рассмотрении оказалась старым навигационным ориентиром. Снабжённый здоровенным биноклем капрала, боец осматривал окрестности — очевидно, чтобы можно было с чистой совестью отчитаться, что обследование островов было проведено. Хоть какое-то хоть нескольких. Сам капрал дремал, подложив под голову деревянную кобуру с "Барсом". Пограничники струдились вокруг костра и вполголоса переговаривались. Беседа перемежалась негромким смехом. Время от времени слышалось отчётливое бульканье. Хотя до этого капрал, не стесняясь в выражениях, детально описал, куда и как забьёт любую ёмкость с алкоголем тому, у кого её обнаружит, его подчинённых это, как видно, не сильно испугало.

Робин стоял на краю утёса, которым заканчивалась вершина. Было приятно подышать по-настоящему свежим воздухом. Лёгкие уже не те, и городская пыль чувствуется всё сильнее с каждым годом. Острова уходили вдаль затейливой мозаикой, похожей на крыши города. Блеска воды между ними почти нигде не было видно.

Подошёл Кир. Постоял, повертел головой. Высморкался вниз с обрыва. Заметно более приподнятым, чем раньше, голосом произнёс:

— Вообще, ты прав. Куда ни глянь — нигде дыма не видать. Если тут кто и есть, то я ему не завидую — по такой-то погоде без костра куковать.

— Можно развести бездымный.

— Не-а. Не тут. На островах одна хвоя растёт, смолистая — как ни вертись, а дымить будет, хоть немного. То есть, конечно, у террористов и шпионов могут быть спиртовые таблетки или ещё что, но... знаешь, хер бы с ними. Вот почему-то теперь точно верю, что нет тут никого, кроме нас.

— Ты повеселел. А начальство?

— Хер с ним, с начальством. Завтра думать буду. Они нам выписали отпуск на природу на сутки — будем отдыхать. Вот вернусь, отчёт воробья почитаю — тогда начну голову морщить.

— Разумно.

— Дык! Я ж, наверное, не зря начальник! Эх, жалко, вода холодная уже, а то б я спустился искупнуться.

— Холодная, да. Осень скоро. Пойдём к костру — там, судя по запаху, чай заварили.

И они пошли к костру.

0103. Кир. Лестница в небо

— Хранение и?.. — дежурный приподнял кончик ручки и посмотрел вопросительно.

— И всё, — Кир ответил мрачным взглядом и постучал согнутым пальцем по стеклу часов, — С наркотой бывает хранение и употребление, с оружием хранение и применение, а у нас, малец — только хранение.

Дежурный явно обиделся на "мальца" — лет ему было не настолько уж меньше, чем Киру — но ничего не сказал. Аккуратно поставил точку после слова "хранение", подписал, тиснул печать и вернул ордер.

В машине Кир размещался основательно. Долго елозил по сиденью, расправлял ремень безопасности, поворачивал туда-сюда зеркало. Подумал даже подрегулировать спинку, но когда взялся за рукоятку, Робин одарил его таким свирепым взглядом, что Кир тут же передумал.

— Ну что, мы едем? — буркнула Бригита с заднего сиденья.

— Едем, едем, — Кир завёл мотор, послушал его неровное тарахтение. Вздохнул и тронул машину вперёд.

Дом был старый. Кривоватое сооружение, уходящее больше вверх, чем вширь, и стоящее наособицу, словно сторонясь соседних зданий. Три этажа. Точнее, два и что-то вроде мансарды-переростка на крыше. Необычно высокие этажи, чуть не в три метра. Доски стен казались прогнившими, и Киру показалось, что дом немного покачивается. Конечно, просто показалось. Если бы он в самом деле качался, он бы скрипел. Кир понял, что снова заикливается на мелочах вместо того, чтобы действовать, и шагнул к крыльцу. Жестом отправил Робина обойти дом сзади. На окнах не было занавесок, и их всё равно уже наверняка заметили — даже несмотря на то, что машину они оставили за квартал, чтобы не привлекать внимания столь редким для этого района звуком — но могли ведь и не заметить, верно? Незачем давать лишнюю возможность, поднимая шум раньше времени.

Впрочем, как только Робин скрылся за углом, оттуда сразу же послышался хруст сминаемого бурьяна, потом стук, сдавленный мат, падение чего-то металлического. Кир закатил глаза и поторопился к крыльцу. Четыре скрипучие ступеньки, покосившаяся дверь. Тёмная от времени цепочка звонка. Кир долбанул в дверь кулаком — только идиот дёргает за цепочки в доме подозреваемого. Проорал "Полиция! Откройте!" За дверью послышалась возня и снова всё стихло. Кир примерился к двери. Хлипкая, петли болтаются, из замков, похоже, только простейшая защёлка или шпингалет. Никаких проблем. Выждав пару секунд, ещё несколько раз врезал кулаком по филёнке: "Зильберт Тимс, у нас есть ордер на обыск и арест! Если вы немедленно не откроете дверь, мы её выбьем! Это будет считаться препятствием работе правоохранительных органов с вашей стороны и отягчит возможное наказание!"

Тишина.

Кир обернулся на Бригиту. Та стояла точно по уставу — на два шага сзади за правым плечом. Пистолет держала в руках. Лицо её выражало гамму смешанных чувств по этому поводу, но требование ситуации оказалось сильнее эмоций. Кир одобрительно кивнул ей. Снова повернулся к двери. Второй пистолет был у Робина, поэтому нащупал в кармане

кастет и вдел пальцы в отверстия. Отступил на шаг, примерился и ударил ногой в область, где, предположительно, должна располагаться защёлка, вкладывая в удар вес всего тела.

Дверь оказалась гораздо более слабой, чем даже выглядела снаружи — Кир, почти не ощутив сопротивления, влетел в дом в облаке щепок и чуть не потерял равновесие. Хэль. Странно, подумал Кир, имя вроде нормальное, а он — хэль. Соседи в доносе не уточнили, вот и казалось, что человек. Впрочем, у Робина имя тоже нормальное. Этот был сильно моложе Робина. На самом деле, скорее, ровесник Бригиты — едва за двадцать. Он стоял в дальнем конце узкого коридора, идущего от двери, за его спиной была лестница. Одет он был бедно, но чисто — и почему-то в уличную одежду. Хотел сбежать? Вряд ли — слишком всё аккуратно, не похоже, чтобы одевался в спешке, завидев полицейских. Возможно, это просто единственная его одежда.

Кир тяжело зашагал вперёд. Правую руку с кастетом держал за спиной, левой откинул полу пиджака, демонстрируя висящий на поясе значок:

— Полиция, малец. Подними руки и медленно ложись на пол лицом вниз. Ещё дома есть кто?

— Сдохни, тварь! — хэль выкинул вперёд ладонь. Кир дёрнулся было в сторону, но сначала понял, что коридор слишком узок, и уворачиваться совсем некуда, а потом — что в него ничего не бросили. Ни ножа, ни камня. Это просто трясущаяся распахнутая ладонь, на тощем среднем пальце — массивный перстень, слишком вычурный и дорогой на фоне нищеты дома и одежды.

— Ах ты!.. — Кир поднажал, рванувшись вперёд ещё быстрее и вынося руку с кастетом в положение для удара, что неожиданно оказалось не так просто сделать в такой тесноте, — Зильберт Тимс, вы обвиняетесь...

Больше он ничего крикнуть не успел, потому что коридор кончился, и хэль в его конце уже не было — он с грохотом, под жалобный скрип старого дерева, мчался вверх по ступенькам. Лестница была ещё уже коридора, и Киру пришлось бежать, развернувшись боком. Прыти у подозреваемого было много, так к тому моменту, когда он хлопнул дверью наверху, Кир только добрался до второго этажа. Мансарда. Оттуда он может выбраться на крышу, а с крыши... Соседние дома далеко... Да и не выдержит его гнилая дранка, поедет, и рухнет он вниз. Некуда бежать. Но всё равно стоит подстраховаться. Крикнул через плечо назад: "Бригита, дуй наружу, скажи Робину, чтоб крышу смотрел!"

На площадке второго этажа, крохотной, словно кабина трактора, на бегу поменял плечи, развернувшись вперёд правым. Руку с кастетом поднял к лицу в стойке для кулачного боя. Снёс, зацепив, со стены рамку с потускневшей фотографией, жалобно звякнуло сзади лопнувшее стекло. Верх, дверь мансарды открыта. У него здесь может быть что угодно — нож, пистолет. Да хоть граната. Надо гасить сразу. Кир прыгнул внутрь. По бокам мелькнули схемы и графики на стенах, карта звёздного неба, какие-то пробирки, телескоп. Тощая спина в распахнутом окне. Пустое окно.

Вниз Кир спускался неторопливо. По несущейся с заднего двора брани Робина, вперемешку нормальной и хэль, было ясно, что спешить уже некуда. Бригита стояла у крыльца, всё ещё тиская пистолет в руках. Кир отослал её искать телефон и вызывать труповозку из больницы. Обошёл дом, следуя промятому в зарослях лопухов и бурьяна следу Робина. У задней стены дома стоял остов полугрузовичка — старого, ещё парового. На нём изломанной куклой лежал Зильберт Тимс, кровь текла по его лицу и лилась вниз,

смешиваясь с ржавчиной.

— Ну чо, бля?

— Чо, бля? Готов, бля, — Робин махнул рукой, описывая траекторию, — Сиганул как сраный марагский десантник — и вдрызг.

— Он что-то заорал же?

— Ареентэ посс. Сила ветра.

— Понятно, — Кир присел перед трупом на корточки, взял за руку, повертел, осматривая перстень, — Что скажешь?

— Вторая категория. Может, третья, но это уже в лаборатории посмотрю. Но вряд ли. Думаю, вторая. Пatina с отливом. Сложно подделать.

— Ещё одна вторая категория с начала лета. Вторая вторая, так сказать.

— Третья. Ещё тот кулон. На мельнице.

— Да, точно. Ну вот, а ты говоришь — работы нет. Ладно, изымай пока, а я пойду машину проверю. Как бы местные гаврики не свинтили чего.

Кир встал, отряхнул брюки и направился в сторону улицы. Только возле самой машины он вспомнил о кастете, снял его и убрал в карман. Где-то вдали слышался приближающийся рокот мотора. Знакомый рокот. Труповозка.

0104. Бригита. Тесное замкнутое пространство

В комнате инструктажа патрульных было тихо. Конечно, в ней обычно почти всегда было тихо — потому что никого не было. Пересменок три раза в сутки, каждый от силы по полчаса длиной — остальное время помещение стояло пустым.

Почти всё остальное время. Потому что ещё комнату инструктажа использовали как лекторий и актовый зал — за неимением последних в комиссариате. Но это случалось совсем нечасто.

Так вот, сейчас в комнате было тихо, хотя она была полна. Причин тишины Бригита могла представить две и, скорее всего, обе были верны.

Во-первых, ежеквартальная лекция по технике безопасности при обращении со спецединицами в принципе не вызывала у сотрудников энтузиазма. Явка была обязательной, и начальство строго за ней следило, но что-то новое в лекциях появлялось редко. По крайней мере, в официальной рассылке Бригита обнаружила, что последнее обновление методичек было больше двух лет назад, да и то сводилось к нескольким мелким уточнениям. Из раза в раз сотрудники слушали одно и то же, и отсиживать полчаса в душной комнате просто для галочки не хотелось никому.

Во-вторых, лектором была Бригита. Кир решил, что это будет отличной идеей — мол, она познакомится с людьми, люди познакомятся с ней, она отдохнёт и развеется. И вообще, она теперь звезда и вдобавок красавица, что увеличит посещаемость лекции и сделает начальство довольным. Бригита имела что возразить по каждому из пунктов. Разумеется, Кир слушать её даже не собирался, поэтому теперь она бурчала себе это под нос, раскладывая листы с текстом и таблицами по трибуне. Что понятие "развеемся" применительно к не особо просторной комнате, куда нагнали народу вдвое больше штатного, звучит откровенным издевательством. Что её случайно обретенная звёздность всех, кроме самого Кира, и, пожалуй, Робина, скорее раздражала, чем привлекала. Да, и саму Бригиту тоже. Что назвать её "красавицей" — это откровенно и нагло польстить. Симпатичная — да, пожалуй, но на обложке журнала мод ей точно не бывать. Ну и насчёт знакомства... конечно, знакомиться так или иначе придётся. И лекторы в академии постоянно говорили, что субординация субординацией, но с коллегами лучше если и не дружить, то хотя бы знать их в лицо и по именам — и делать так, чтобы они помнили тебя в лицо и по имени. Проблема в том, что её сейчас уже точно помнили все, и при этом относились именно так, как относятся обычно долго и тяжело работавшие люди к новичку, который по чистой случайности обскакал их всех, не приложив почти никаких усилий.

Начало лекции ей удалось проскочить нахрапом — она просто вошла последней, поднялась на трибуну и быстро, пока никто не успел опомниться, начала перекличку. Ей удалось держать уверенную интонацию, так что перебивать её никто не решился. Но сейчас лекция кончилась — и настала пора вопросов. А по глазам собравшихся было ясно, что вопросами её будут прощупывать. Бригита выдохнула и посмотрела на часы.

— Пять минут. Ваши вопросы.

— А где Пальс? — кто-то из патрульных, молодой на вид. Лицо хамоватое, но интонацию постарался сделать вежливой.

— Младший эксперт Робин Пальс передал обязанности проведения лекции мне. Ещё

вопросы?

— Если спец-единицы полностью инертны, зачем нужны лекции по ТБ? — тоже патрульный, но постарше. И не понять — с подковыркой вопрос, или Робин им до этого и в самом деле прямо и внятно не рассказывал. В принципе, зная его манеру объяснять, последнее сомнительно. Так что, наверное, всё же вопрос с подковыркой. Или он только ей так доходчиво объясняет?

— Опасны не сами единицы... — Бригита присмотрелась к нашивке на куртке патрульного, — констебль Траут. Опасны люди, неровно к ним дышащие. Опасен ли треугольник в круге? Нет — это просто геометрические фигуры. Опасны ли они, когда изображены на флаге? Всё ещё нет — это просто эмблема Союза четырёх. А что же опасно? Опасен человек с этим флагом. И те, кто идут за ним. Аналогия ясна?

Траут смешался и заёрзал на стуле. На мгновение Бригита даже подумала, что ответ был слишком резким. Но нет, не слишком. Оправившись от напора, констебль упрямо поднял глаза:

— Когда мы винтим четвериков, мы их флаги просто закидываем в бобик вместе с ними, а потом сжигаем или на помойку отправляем. Что-то не складывается у вас, младший следователь Лин.

— В отличие от флагов, констебль Траут, спец-единицы не получится быстро сделать на коленке — даже третья категория, то есть, позднейшие подделки, требуют большого вложения сил, чтобы выглядеть достоверно и иметь ценность для контингента. Поэтому выбрасывать их на помойку будет преступной небрежностью — так можно сделать нечаянный подарок очередному потенциальному археореваншисту. Одного повинтили — второго породили, не очень эффективная работа выходит, верно, констебль?

Бригита чувствовала, что её начинает заносить от раздражения. Траут повысил тон:

— Знаете, младший следователь...

— Знаю. В отличие от вас. Вы бы тоже могли знать, если бы предыдущие двадцать минут посвятили тому, что я говорю, а не кроссворду, который лежит у вас на коленях. Почему мы не выбрасываем единицы, вы, надеюсь, теперь запомнили. А хотите, я ещё раз расскажу вам, почему мы их не уничтожаем? Потому что они нужны учёным. Каждая спец-единица представляет собой уникальный культурный и исторический артефакт, и кидать их в огонь или иным образом разрушать — как минимум, бесхозяйственно.

Реакция зала разделилась. Молодые сотрудники, особенно патрульные, явно получали от происходящего удовольствие. Те, кто постарше, медленно закипали. Женская половина персонала смотрела на Бригиту со смесью сочувствия и осуждения. Мол, хорошо, что отвечаешь хаму, сестрёнка, но отвечать ему надо не так.

— Простите, младший следователь, — кто-то совсем молодой, не сильно старше Бригиты. В штатском — значит, детектив. В чёрном штатском, словно похоронный агент. Высокий. Длинное, плохо выбритое лицо. Волосы тёмные, встрёпанные. Подчёркнуто дружелюбная улыбка и даже руки эдак перед собой приподнял — мол, это не наезд, я пришёл с миром.

— Да?

— Время почти кончается, а я хотел спросить, встречались ли на практике случаи, когда спец-единицы оказались опасными сами по себе?

Бригита медленно выдохнула. Кажется, брюнет действительно хотел это знать. К тому же, об этом не говорилось в лекции. Ну и встрял он вполне удачно — ещё немного, и

Бригита с Траутом, наверное, перешли бы на личности. Да, хороший человек. Где-то даже милый.

— Достоверных случаев не задокументировано, детектив...

— Ринго.

— Детектив Ринго. За последний год по стране отмечено восемь ситуаций, которые могут быть истрактованы неоднозначно, но во всех из них наиболее вероятное объяснение не связано со спец-единицами. В любом случае, исследователи не исключают потенциальной возможности наткнуться на единицу с интенсивностью энергии, превышающей следовую. Вероятность этого стремится к нулю — но не равна ему. Я ответила на ваш вопрос?

— Да, младший следователь. Спасибо.

И он улыбнулся ещё шире.

Пожалуй, он и в самом деле милый. Бригита улыбнулась в ответ и начала собирать бумаги, показывая, что лекция окончена.

0105. Робин. Белый король

Самолёт заходил на посадку грузно и неторопливо. Только сейчас, когда он шёл над самыми крышами рыбацкой окраины, стало понятно, насколько он огромен. Робин помнил, что такие самолёты называют "летающими лодками", но этот на лодку был не похож совсем. Он был похож на деревянный сарай — длинный, широкий и приплюснутый. О лодке напоминало только днище, сходящееся клином и покрашенное в ярко-алый. Шесть моторов, установленных попарно — один тянет, другой толкает — тащили угловатую тушу сквозь воздух, казалось, с надрывом.

Робину показалось забавным совпадение — ведь и рыбацкая окраина уже лет двести как не рыбацкая и не окраина. Название осталось, но район теперь почти в самом центре города, а живут в нём по большей части торговцы, чиновники средней руки да понаехавшая за вдохновением богема.

— Почему он над городом снижался? — спросила Бригита, провожая взглядом самолёт, который, накренившись, пересёк береговую линию и начал большой круг над заливом.

— Чтоб если какой мотор откажет, грохнуться в строяк и поубивать побольше народу, — с каменно серьёзным лицом ответил Кир и шумно прихлебнул из чашки.

Бригита хлопнула глазами и явно смешалась.

— Он шутит, — сказал Робин. Посмотрел на свой остывший чай и улыбнулся. Не реплике Кира, а потому, что в голову ему внезапно пришло ещё одно совпадение. Они ведь тут — тоже не те, кем кажутся. Изображают зевак, пришедших поглазеть на прибытие столичного инспектора, на деле пытаюсь обеспечивать безопасность мероприятия. Пытаюсь — потому что с учётом нагнанной сюда со всего города полиции, они явно были пятым колесом в телеге. Кир прекрасно это понимал, поэтому сразу выбрал им позицию в отдалении, на тёмной от времени веранде старого кафе. Случись что — отсюда они при всём желании не успеют вмешаться — разве что пострелять в толпу наугад. Ну, то есть, сам Робин разве что чашкой кинуть сможет — свой пистолет он сегодня всучил Киру. Хэль с оружием мог вызвать вполне определённую реакцию у и без того задёрганных усиленными мерами безопасности полицейских. Свои, из комиссариата, в лицо его, конечно знают, а вот за обитателей опорных пунктов с окраин Робин бы не поручился.

Впрочем, стрелять никто из них никуда в любом случае не собирался. На любого потенциального террориста здесь сейчас и так найдётся дюжина резвых сотрудников, желающих получить медаль за героизм. Справятся как-нибудь.

И это, подытожил Робин мысленно, четвёртое двойное дно текущей ситуации. Они значатся как обеспечивающие безопасность, но обеспечивать её не собираются. Хорошее число — четыре. Счастливое. Он кивнул и одним длинным глотком допил чай. Махнул рукой официанту и щёлкнул по краю чашки. Тот нехотя оторвался от созерцания самолёта и направился внутрь кафе.

Самолёт теперь приближался к городу со стороны моря. Качнул крыльями, сверкнул серебристым бортом. От воды его отделяло совсем небольшое расстояние, уменьшавшееся с каждой секундой. Момент касания поверхности все увидели сразу — от носа машины метнулись в стороны ярко-белые пенные усы. Пропеллеры замедлились, проявившись блестящими кругами на концах моторов. Даже сейчас, рассекая воду, самолёт всё равно не был похож на лодку — теперь он напоминал Робину неуклюжий грузовой пароход с

широкими верандами крыльев и торчащим вместо флагштока на корме плавником хвоста.

Толпа загомонила и начала подтягиваться к берегу. Те из полицейских, кому досталось носить сегодня форму, начали отжимать людей от причала. Те, кто был в штатском, засуетились и задвигались. Робин поморщился — потенциальному злоумышленнику ничего не стоило вычислить этих остолопов по их поведению. Остаётся надеяться, что злоумышленников и в самом деле нет.

Самолёт приближался к причалу медленно. Первый ажиотаж у зевак спал. Поняв, что до швартовки ещё четверть часа, а то и больше, они ослабили напор на цепочку полицейских. Кир повернулся к Бригите:

— Кстати, как лекция вчера прошла?

— Нормально, — Бригита ответила резко и мрачно, но Кир, кажется, поверил.

— Ну, это хорошо. А то я, если честно, переживал немного. Кстати, Янг в себя пришёл.

— Да? — тут реакция была уже куда искреннее.

— Ага. В утренней сводке было.

Робин фыркнул — кажется, Бригита со своим вечным копанием в документации, оказывает положительное влияние на отдел. Вон, глядя на неё Кир уже начал читать утренние сводки. Сам Робин пока ещё не начал, но в последнюю неделю несколько раз ловил себя на таком желании.

— Ты чего фыркаешь, косматый? Как конь. Вон, и носяра, как у коня.

— Выражаю недовольство. Чай не принесли.

— Оборзели совсем тут, среди курортников. Цены ломают, как в ресторане, а обслуживают как в топиловке. Слышь, шкет! — Кир развернулся к входу в кафе, — Хули ты там копаешься? А ну метнулся!

Из глубины помещения раздался голос официанта. Слов было не разобрать, но Киру, кажется, для понимания вполне хватило интонации.

— Бегом, бля! А то я ж щас встану!

Донеслось торопливое бряканье посуды, и официант появился в дверях. На его лице была смесь угодства и презрения в точно выверенной пропорции — чтобы клиент всё понял, но придраться не смог.

Кир снял с подноса чашку и поставил её перед Робин, после чего развернулся обратно к официанту.

— Стой, куда пошёл! Значит, ещё два чая и этот... пирог с рыбой, у вас там на доске перед входом написано было.

— Пирог вечером будет. Сейчас не готов.

— Ну, я не знаю, пожевать чего-нибудь. А то тут у вас на рыбацкой с голодухи сдохнешь, пока дождёшься этого... — он махнул рукой в сторону приближающегося самолёта.

— Бутерброды с сыром, милонский бальтет и каша. Вчерашняя.

— Милонский что?

— Рыба, — вмешался Робин, — В тесте. Жареная.

— Понапридумывают... Ладно, бутерброды неси. И чтоб не заветренные, понял! За заветренные платить не стану.

Дождавшись, пока официант скроется, Робин укоризненно посмотрел на Кира.

— Ты же и так не станешь.

— Что?

— Платить.

— Конечно. Я же полицейский.

Бригита поперхнулась остатками чая.

— Ты ещё погромче ори. Что полицейский. Вдруг кто не слышал, — проворчал Робин.

От берега послышался нарастающий гомон. Самолёт подходил к причалу. Вдоль кромки забегали рабочие в непривычно чистых комбинезонах, приняли выброшенные лётчиками концы и торопливо пришвартовали неуклюжую тушу. К распахнувшейся в борту дверце подали трап. Зеваки затихли.

Робин ждал, что сначала выйдет какой-нибудь пресс-секретарь или телохранитель, но человек, появившийся на трапе, не был похож на представителя свиты. Когда он в два порывистых шага сошёл на причал и направился по нему в сторону собравшихся, стало ясно, что это инспектор, и что он прибыл один.

Инспектор был высок, строен и неожиданно молод. На его плечи была накинута светлая шинель, из-под неё был виден мундир прокурорской службы — но не уставного тёмно-синего цвета, а белый. На руках — белые перчатки. С собой — ни портфеля, ни папки. Ни оружия. Длинные светлые волосы, забранные в низкий хвост, бледная кожа.

— Экая фифа... — растерянно буркнул Кир. У него за плечом застыл так и не донёсший до стола поднос с чаем и бутербродами официант.

Точно так же застыли в каком-то гипнотическом оцепенении и все прочие вокруг.

Инспектор прошёл сквозь толпу, не замедляя шага и не глядя по сторонам, словно бы площадь была пуста. Люди молча расступались перед ним и забывали сомкнуться вновь, так что в толпе остался след, как от ножа. Чёрная машина магистрата, ожидавшая в центре площади, распахнула дверцу заранее. Инспектор остановился перед ней и впервые обвёл взглядом окружающих. Глаза у него были белёсыми и пустыми, как у мёртвой рыбы. Стягивая с рук перчатки, он нырнул внутрь. Дверца закрылась, автомобиль тронулся.

— Да уж. Народ хотел зрелища — народ, ёпта, получил зрелище. На все деньги. О, шкет, ты тут! Давай жратву сюда, хули встал?

— Нужно проверить, — реплика сорвалась с губ Робина прежде, чем он успел сообразить, что официант всё ещё рядом.

— Что проверить? — спросил Кир, мимикой показывая, что сейчас отвечать не стоит.

Официант удалился. Робин перевёл дух и пояснил:

— Его проверить. Перстень. Он снял перчатки, садясь в машину, и на правой руке у него был перстень. На безымянном пальце.

— Что, такой перстень? — Бригита смотрела огромными глазами.

— Нет. Не спец-единица. Просто перстень. Но я его где-то видел. Надо узнать.

— Ну что ж, вот и работа нам появилась. А то я думал, у нас внеплановый выходной сегодня нарисовался. Запомни,мышь: раз косматый говорит, что надо проверить — значит, надо проверить. Мудрость жизни, не раз подтверждённая. Так, дуйте пока в контору и прикидывайте там, как нам организовать оперативные мероприятия, а я порадоую шкета тем, что он никуды не получит от нас за завтрак и двину в магистрат. Повынюхиваю там по курилкам, какие слухи бродят. Собираемся у нас в... ну, пусть в пять вечера. Всё, двинули, чо стоим?

И они двинули. Робин успел прихватить с принесённой тарелки пару бутербродов, но когда через пару кварталов собрался-таки откусить, обнаружил, что они чёрствые.

Осень решила наступить внезапно. Когда Кир и Бригита покидали комиссариат, небо было светлым, хоть и облачным, но за те полчаса, которые заняла дорога, с моря пришла чёрная свинцовая стена и ударила ливнем. Сейчас Кир измерял глазами короткое, шагов в пять, расстояние от машины до крыльца и неизбежно приходил к выводу, что без потерь проскочить не получится. Взятый напрокат костюм стеснял движения, будто был скроен из картона, воротник сорочки натёр шею.

Бригите было, кажется, ещё хуже. Кир не знал, да и не хотел знать, где она достала дурацкое платье, похожее на огромный кремовый торт. Увидев её, проворчал, что просил одеться нарядно, а не как на королевский бал Кипящего века, Бригита огрызнулась, мол, он сам может попробовать в этой дыре за два часа найти что-то получше на её размер, и на этом дискуссия себя исчерпала.

Швейцар у входа стоял, оперевшись на огромный зонт, как на трость, и явно не собиравшись подходить к машине чтобы проводить их, как делал с другими гостями. Конечно, злобно подумал Кир, чёрная кость же, легавые какие-то, не то что сливки общества.

— Ладно, пошли. Сидеть тут до утра можно, а толку никакого, — он рывком распахнул дверцу и вылез, стаскивая громоздкий сюртук. Обошёл машину и расправил его над головой Бригиты. Укрыть всю широченную юбку, понятно, не получилось, но всё лучше, чем ничего. Торопливо, почти бегом, они добрались до крыльца. Кир прожёл швейцара злобным взглядом. Тот не отреагировал.

Внутри было жарко, шумно и светло. Кир остановился на пороге, стряхивая воду с костюма и надеясь, что он не очень сильно покоробится — скандалить с клерком прокатного ателье было лень. Бригита рванула вперёд не задерживаясь, и догнать её Кир смог только потому, что она запуталась в непривычной юбке и чуть не упала.

— Ты это. Того. Мы как бы вместе же, — буркнул он, подхватывая Бригиту под локоть, — В смысле, разделяться не стоит.

— Ваше приглашение, — навстречу шагнул охранник в сером, преградив дорогу.

— Кир Дайсон, спецотдел, — Кир махнул удостоверением, — Младший следователь Лин со мной.

Охранник нахмурился, и остался на месте.

— Приглашение.

— Мужик, нет у нас приглашения. Мы тут по службе.

— Тогда ордер или предписание.

— Слушай... Если что случится — выебут меня, а не тебя. Ты типа гражданское лицо, а я при исполнении. Так что я тебе типа приказал пропустить, а ты по-любому подчинился. Как законо, это самое, послушный гражданин.

Охранник угрюмо смерил взглядом Кира, затем, заметно более вдумчиво, Бригиту и шагнул в сторону.

Больше препятствий на пути не было, и они пересекли гулкое фойе магистрата без помех. В зале для приёмов оказалось гораздо меньше народу, чем думал Кир. Человек двадцать, вряд ли больше. Их появление, однако, осталось незамеченным — всё внимание

приковывал к себе инспектор. Он стоял у дальнего окна, скрестив руки на груди, и о чём-то говорил с заместителем мэра. Смотрел при этом на собравшихся, но не прямо, а то ли поверх голов, то ли просто сквозь, к собеседнику повернувшись в профиль. Точно такой же, как на причале, только без шинели и перчаток.

— Что тут происходит вообще? — прошептала Бригита.

— Хрен знает. В смысле, как раз это мы и пришли сюда выяснить. Хлыщ сразу же, не переобувшись с дороги, повелел магистратским устроить сегодня же приветственную вечеруху в его честь и выкатил список тех, кого непременно надо пригласить. Я когда днём по курилкам тут шуровал, насмотрелся — все скакали с жопой в мыле, примерно как мы с тобой, когда прикиды искали.

— А это вообще наше дело? — Бригита покосилась, с сомнением закусив губу.

— Конечно, наше! — Кир, забывшись, гаркнул почти в полный голос, но тут же, спохватившись, снова понизил его до шёпота, — Конечно, наше. Пойдём-ка возьмём по стакану, и я тебе разъясню. Только по сторонам зыркать не забывай всё равно, ага?

Они отошли в дальний угол, по пути ухватив с одного из фуршетных столов пару фужеров игристого. Кир с подозрением понюхал содержимое и пить не стал.

— Ты пойми, мышь, если возникает мысль, что кто-то из шишек, например, убил человека, то убойный отдел говорит "не наше дело". Потому что их дело наступает, когда улики и мотив указывают на эту шишку. Если стучает в голову идея, что кто-то из шишек хранит дурь в тумбочке, чтобы вмазываться по утрам для бодрости — наркоотдел говорит "не наше дело". Потому что просто пришедшая кому-то мысль "а вдруг мэр гоняет серого дрозда по вене?" — это не повод устраивать обыск в доме мэра. А вот у нас всё как раз иначе. Если ты чувствуешь что-то неправильное — это повод. Это, поверь мне, охуеть какой повод.

— Это в уставе написано? — скептически спросила Бригита.

— В уставе много чего не написано. Смотри внимательно — в смысле, не только смотри. Слушай, нюхай, шкурой ощущай. Всё ли нормально тут?

— Ну...

— Именно.

— Я ничего не сказала!

— По глазам вижу, что собиралась. Полутора веков не прошло, у тебя ещё пра-прабабка должна была лично Избавление застать. Не отсохла ещё чуйка, понимаешь, которая такие шуки сечёт. Что не так? Рассказывай, не стесняйся, ржать над тобой не стану. Не для того сюда пришли.

— Ну... воздух, — Бригита неуверенно повела плечами, — Густой какой-то. Как будто вентиляция плохо работает.

— Вряд ли вентиляция. Думаю, ты это почувствовала ещё снаружи. Может даже ещё в машине.

— Слушай, это какие-то примитивные методы седых времён. В академии нам про это другое рассказывали.

— В академии тебе рассказывали, как это делается по уму, с нормальным оборудованием и всей фигнёй. А у нас, извиняй, только вот так.

— Тогда почему это не делает Робин? Он явно лучше разбирается, чем я.

— Мышь, ты вот сейчас это серьёзно? Подумай, что ты сейчас сказала.

Бригита умолкла. Кир всё же решился отхлебнуть из фужера. Пойло оказалось

приторно-сладким и вязко обволакивало язык — в точности как представлялось по запаху.

— И за что такие бабки платят, чтобы этот сироп пить?.. Ладно, хер с ним, едем дальше.

Воздух густой — о чём это может говорить?

— Высокая напряжённость альфа-омега-поля.

— А точнее?

— В смысле?

— Для начала, — Кир поднял палец, — Это говорит о присутствии альфа-омега-поля.

— Может говорить. Плохую вентиляцию исключать не стоит.

— Проехали. Что означает высокая напряжённость поля?

— Критически важный, потенциально — поворотный момент текущей плоскости реальности. Сопряжённый с использованием спец-манипуляций.

— Молодец, пятёрка. А ещё спрашивала, наше ли это дело.

— Кир, ну серьёзно — ты это всё просто из духоты в зале вывел?

— Смотри по сторонам внимательнее. Попробуй подключить голову. Что не так с гостями?

Бригита недовольно засопела и принялась озираться вокоруг.

— Они какие-то... разные. Я никого в лицо не знаю, но по одежде и манерам тут кого только не собрали. Разве что кроме откровенных бедняков.

— Именно. Причём это было сделано срочно. Наш фраер хочет кого-то встретить или кого-то увидеть, причём срочно. У него есть несколько примет, и по ним он отобрал подходящие кандидатуры. Смотри, что у всех гостей общего.

— Они все с жёнами. Но это же нормально для таких мероприятий?

— Думай лучше. Ты можешь, я тебя знаю, ты умная.

Бригита, чувствовалось, понемногу начинала закипать.

— Тихо, мышь. Спокойно. Хлебни сиропа и подумай. Злиться иногда полезно, а иногда нет. И сейчас, как ты понимаешь — нет.

— Гости. Гости, гости... Подожди, сейчас... Шестеро, все с жёнами. Ну, или спутницами, не знаю, как это называется. Возрастная категория... ну... разная. Социальное положение, манера одеваться, цвет волос — всё разное. Хотя... стой! Поняла!

Последнее она выкрикнула громко, и на них не начали озираться только потому, что заиграла музыка. Гости зашевелились, некоторые начали выходить в центр зала, чтобы потанцевать. Инспектор кивнул заместителю мэра и двинулся в сторону одной из пар.

— Я ж говорил. До сорока не успел сосчитать, а ты уже дотумкала. Ну так что же общего у гостей?

— Они все — с мужьями. Или спутниками.

— Умница. Все шестеро присутствующих женщин, кроме тебя — примерно одного возраста, сходной конституции и типа лица. Ещё интересная штука — наш модник всё время стоял, как статуя, держа руки на груди, так что эта его гайка на пальце сверкала через весь зал. А теперь он пригласил на танец одну конкретную тётку. Ты случаем не чувствуешь, воздух не стал ещё ядрёнее?

— Не знаю. Возможно. А как он выбрал именно её?

— Может, мне показалось, но она в его сторону, кажется, как-то хитро пальцами вот эдак сделала. На уровне пояса, незаметно. Вот теперь-то это уж точно наше дело, так?

— Ну, так, да.

— Отлично. Пошли танцевать. Притрёмся к ним поближе, может, что услышим.

— Ты танцевать умеешь?

— Нет, но всем насрать. Мне тоже. Пошли, чего стоишь.

— Да так. Смотрю, как инспектор танцует. Не в такт, и движения немного не те. Сначала хотела сказать, что он тоже не умеет, но на самом деле умеет. Просто, кажется, это не тот танец, что у остальных.

— Вот видишь, как хорошо, что я тебя взял сюда. Ты в таких шгуках разбираешься, а я вот, например, нет. Всё, потопали. Постараюсь не наступать тебе на юбку.

И они отправились танцевать.

0107. Бригита. Пыльные дебри времён

Лестница в подвал оказалась узкой и закрученной. Стены были сложены из неровного серого камня, совсем не похожего на кирпич основного здания комиссариата. Бригита подумала, что могла бы, наверное, почувствовать себя принцессой в сказочном замке, если бы лестница не была такой крутой, а проклятая юбка не закрывала весь обзор вниз. Вдоль лестницы развесили электрические лампы, а поверху даже пустили вентиляционный рукав, без которого тут наверняка было сыро, как в... ну да, как в подвале — но вот перил приделать не догадались, поэтому оступись Бригита — и катиться ей до самого низа. Хорошо хоть сменить туфли удалось — на каблуках она бы тут точно шею свернула.

Подвал оказался гулким и большим. На помещения его делили двухметровые фанерные перегородки, над которыми оставалось ещё много места до сводчатого потолка. Столик дежурного возле входа пустовал, да и в самом подвале, насколько доставал взгляд, никого не было, но найти Робина труда не составило — над одной из перегородок поднимались прозрачные клубы дыма.

— Здесь нельзя курить, это же архив, — Бригита неодобрительно поморщилась, усаживаясь напротив и аккуратно расправляя юбку.

— Дежурный разрешил. Ты с вечеринки?

— Да. Инспектор затеял её, чтобы встретиться с какой-то женщиной. Кир уехал проследить за ней до дома и узнать, кто она такая, а меня отправил сюда помочь тебе.

Робин поднял глаза от толстой папки, которую листал, и посмотрел, прищурившись:

— А тебе...

— Молчи. Если ты сейчас скажешь, что мне идёт, я тебе голову отвинчу. Я услышала это от каждого сотрудника, которого встретила по дороге.

— А почему не переоделась?

— Потому что раздевалка закрыта на дезинфекцию и ещё часа два в неё никого не пустят.

— Дезинфекцию? Я что-то пропустил?

— Видимо, да. Как и мы. Мне сказали, что в окно кто-то подбросил пакет с пудрой, а потом в приёмную позвонили и сообщили, что там какие-то кокки.

— Весело, — Робин присвистнул, — Уголовка на рогах стоит, да?

— Наверное. Там было так шумно, что я не стала выспрашивать и сразу пошла сюда.

— Интересно. Стоило только прилететь столичному гостю, и столько всего началось. Ну и ладно. У нас свои дела. Чай будешь?

Бригита попыталась устроиться на стуле подобнее и, отрицательно покачав головой, развернула к себе один из томов.

— Справочник условных обозначений гражданской и служебной авиации?

— Решил зайти с фланга. С другого конца. Про перстень не нашёл пока.

— А, хочешь посмотреть на каком самолёте прилетел инспектор? А что, с ним что-то не так?

— Заранее неизвестно, — Робин погасил сигарету в потёртой консервной банке, которая явно использовалась в качестве пепельницы не первый год, и налил себе ещё чая из стоящего на соседнем стуле пузатого чайника, — Если начинать копать только подозрительные направления, ничего не найдёшь. Обычно разгадка не там. В обычных

вещах. Которые подозрений не вызывают.

— И как, нашёл что-нибудь?

— Нашёл. Самолёт ледовой разведки. Принадлежит морскому министерству. Приписан к китобойной флотилии. Северной.

— Китобойной? Северной? То есть, он летел не из столицы?

— Пока не знаю. Надо проверить.

— И как он вообще на него попал? Ну, если это не самолёт министерства внутренних дел?

— Взятка, — пожал плечами Робин, — Сейчас это просто. Денег мало. А они всем нужны.

— Я ничего не понимаю. Почему он не приехал поездом? Ведь от столицы ходит прямой курьерский, там есть люксовые вагоны. Вполне подходят даже для таких важных шишек.

— Я тоже не понимаю. Так что копаю дальше.

— Ладно, вы все победили. Теперь мне тоже интересно. Чем тебе помочь?

Робин поднял глаза и долго молчал. Вытряхнул из пачки новую сигарету, повертел в пальцах. Другой рукой взял зажигалку, повертел и её.

— Ну что?! Что смотришь-то? Помочь тебе чем, спрашиваю?

— Если я скажу, что сможешь ты, если заваришь ещё один чайник чая, ты мне отвинтишь голову. А больше нечем. Я уже закопался. Вводить тебя в курс будет дольше.

Бригита задумалась. Первой реакцией и в самом деле была вспышка гнева, но по здравом размышлении выходило, что Робин прав. Она фыркнула и направилась искать местную кухню.

Когда через четверть часа она вернулась с горячим чайником, Робин подвинул ей второй стакан, который успел откуда-то достать и кивнул на стопку фолиантов весьма древнего вида:

— Вот. Придумал тебе занятие. Каталоги гербов. Ищи двойной крест в треугольнике.

— Это то, что было на перстне инспектора, да?

— Да. Описано бессистемно. Часто словами, без картинок. Много времени уйдёт. Так что половина тебе, половина мне.

Сколько прошло времени, Бригита не поняла — но первый том она успела просмотреть почти до середины. Мелкий рукописный почерк было разбирать сложно, но, к счастью, её знаний языка хэль хватало, чтобы понимать текст — это были простые однотипные фразы, описывающие гербы, флаги и эмблемы.

Потянувшись до хруста в затёкшей спине, она, наконец, сделала глоток из стакана. Чай, конечно, давно остыл.

— Никогда не была в нашем подвале. Он от особняка хэль остался?

— От склада. Купеческий род, работавший на хэль. Тут хранили масло и, кажется, уксус.

— Понятно, — Бригита почувствовала небольшое разочарование. Быть принцессой на купеческом складе — совсем не то, что в имении или замке.

— Хозяева поддержали восстание. Тут был штаб во время войны с Союзом Четырёх.

После победы сделали жандармерию. Потом стал комиссариат.

— А что со зданием наверху?

— Было деревянное. Долго не протянуло. Полвека назад построили новое.

От входа донёлся топот — кто-то спускался по лестнице. Дежурный, возвращения которого Бригита не заметила, скрипнул стулом. По приветственному ворчанию, раздавшемуся в ответ, было понятно, кто появился. И действительно — спустя несколько мгновений за перегородку завернул Кир. От него пахло дождём и грязью, взятый напрокат костюм напоминал жёваную тряпку, а на лице сияла торжествующая улыбка.

— Привет, книжные черви! Я к вам с новостями.

— Давай, — кивнул Робин, — Только тише.

— Да, точно. Тише. Так вот, — Кир плюхнулся на свободный стул и отхлебнул из стакана Бригиты, — Я узнал про эту кралю, с которой наш инспектор танцевал сегодня... а нет, уже вчера на вечеринке. Её зовут Ада Мангелис, она жена заведующего универмагом Павла Мангелиса, и... за стулья держитесь там? Ей шесть лет. От тебя пасёт табаком, косматый — дай-ка сигаретку, я же знаю, что ты тут курил.

0108. Робин. Бумажный след

— Шесть лет? — скептически переспросил Робин, приподняв бровь.

— На вечеринке она выглядела явно старше... — усомнилась Бригита.

— И тем не менее, — Кир улыбался всё шире, — Что это такое?

Он выудил из-за пазухи прямоугольник розового картона, помахал им и шлёпнул на стол.

— Гражданское удостоверение, — пожала плечами Бригита.

— Человека, — уточнил Робин, — У хэль зелёные. И это копия — по краю идёт рамка, у оригинала её быть не должно.

— Молодцы. Умницы. Высший балл обоим. Это копия гражданского удостоверения госпожи Мангелис, которую я получил в столе регистрации.

— Так быстро? И без ордера? — Робин нахмурился.

— Всегда полезно знать о человеке кое-что, чего больше никто не знает.

— Доиграешься. Прижмут тебя, — Робин взял удостоверение и начал его рассматривать.

— Когда прижмут, тогда и буду решать. К тому же, был бы кто, а то — жена заведующего универмагом. Невелика шишка. Вы лучше посмотрите, что на бумажке интересного есть.

Над ухом Робина засопели — Бригита сунулась через плечо, заглянув в удостоверение. Робин повернул карточку, чтобы ей было виднее и провёл пальцем по столбикам значков и цифр.

— Родилась, училась, вышла замуж... Нигде не работала, кстати. Почему так мало данных?

— Ты ниже смотри. Видишь — пометка "Восстановлено" и печать.

— Она потеряла удостоверение? И не всё удалось восстановить?

— Бери выше, косматый! Я очень сильно подозреваю, что вся жизнь госпожи Мангелис, кроме последних нескольких лет, была восстановлена исключительно с её слов.

— Это как?! — непонимающе моргнул Робин, — Нельзя же просто так придти в стол регистрации, сказать "я потерял удостоверение" и надиктовать в восстановленное что твоей душе захотелось.

— Фига себе, косматый! Это, кажется, самая длинная фраза, которую я от тебя слышал за все эти годы! Видать, тебя и в самом деле проняло.

Робин аккуратно положил карточку на стол, хлебнул остывшего чая и потёр виски. Кир с торжествующей улыбкой растёр докуренную сигарету в консервной банке.

— А теперь — самое шокирующее откровение сегодняшнего вечера. Поскольку восстанавливать удостоверение должны, разумеется, строго по имеющимся прочим документам, маленькая птичка чирикнула мне на ушко, что неплохо бы проверить и их.

Кир вытащил из лежавшей на столе пачки Робина новую сигарету и окутался клубами дыма. Повисла пауза.

— Ну, и?! — подпрыгивая от нетерпения спросила Бригита.

— Ну и у толстой Магды из стола регистрации теперь ещё один должок передо мной. Потому что ни одного документа с именем Ады Бокке, в замужестве Мангелис, выданного раньше, чем создана эта копия удостоверения, в природе нет. Всё — только после. Если

верить бумагам — а бумаги никогда не врут — Ада появилась на свет шесть лет назад. Точнее, шесть лет, два месяца и сколько-то там дней. Для толстой Магды это значит, что она восстановила документ государственной важности неизвестно кому только со слов. И что работает в столе регистрации она ровно до того момента, пока мне не захочется доложить об этом её начальству. Ну а для нас это значит, что предстоит много оперативно-следственных мероприятий.

— А где ты костюм так угваздал? — внезапно спросила Бригита.

— Я же говорю, мышь: оперативно-следственные мероприятия.

— Она тебя из окна что ли выкинула?

— Во-первых, она жирная, а не сильная. Во-вторых, стол регистрации на третьем этаже, и под окнами брусчатка, а не грязь. Если бы она меня выкинула, мы с тобой сейчас в больничке бы разговаривали. В-третьих, там решётки на окнах вообще-то.

— Но где ты всё-таки перепачкался?

— Это отдельная история, которую, быть может, я потом...

Робин слушал перепалку, потому что его всё больше отвлекала какая-то мысль. Что-то во всём этом казалось ему... неправильным. То самое чувство, которое сигнализирует — есть работа.

— Тихо!

Кир и Бригита замолчали.

— Тихо. Я думаю. Удостоверение получено без подтверждений. Заполнено на отвязись. Магда не помнит, как делала это. Иначе не дала бы тебе копию. Зачем ей ещё один должок.

— А тогда тоже Магда работала? — шёпотом поинтересовалась у Кира Бригита.

— Ага. Она у нас вечная. Ну, то есть, лет пятнадцать точно только она этим и занимается.

— Значит, Ада не так проста. И её ищет инспектор. Который сам не очень прост. И у него перстень. С... так, минуточку...

Робин вскочил из-за стола и зашагал к стеллажам в дальнем конце подвала. Бригита и Кир озадаченно направились за ним.

— Материалы Коллегии. Где-то здесь.

— Коллегии? — удивился Кир.

— Коллегии по искоренению отклонений.

— Это я понял. Какая-то древняя полиция хэль, которая до Избавления не давала людям заниматься наукой. При чём тут она?

— Геральдика. Мы не там искали. Ага, вот, — Робин аккуратно снял с полки увесистый фолиант размером с сиденье стула. Опёр его на полку ниже и начал торопливо листать.

— Подождите, — переспросила Бригита, — Если эта Коллегия занималась людьми, то при чём тут геральдика хэль?

— Сотрудники. В обычных книгах не значились. Манипуляция сознанием и стирание памяти — обычная практика Коллегии.

— Эй, косматый, ты чего? — страшным шёпотом спросил Кир, — Ты намекаешь, что эта фифа использует способности, которые после Избавления не должны работать?

— Предполагаю. Пока всё сходится. Остальное надо проверить.

— Мышь, зови доктора, косматый ёбнулся. Да стой ты, стой, шучу я. Пойдём-ка в кабинет, там будет лучше говорить. Без посторонних.

— Минуточку. Почти нашёл. Вот этот раздел... Как я и думал. Это не спец-единица.

Просто гербовый перстень. Лорд-протектор второго ранга.

— Звучит круто.

— Это и было круто. Их было всего сорок на континент. В местном отделении Коллегии не было ни одного.

Когда они поднялись в кабинет, Кир первым делом залез в шкаф и извлёк графин. Разлил по стаканам на полпальца и буркнув "Для смазки нервных окончаний", первым опрокинул свою порцию.

— Ну что, подчинённые. Мы вляпались в очень мутный блудняк. У нас два человека. Один предположительно владеет способностями хэль, которыми не может владеть потому что человек ими владеть не может в принципе, и потому, что эти способности уже сто пятьдесят лет как не работают вообще. Лично я в это не верю, и думаю, что ответ проще — но его ещё надо найти. Второй прибыл непонятными кружными путями, вполне вероятно без официальной санкции — и явно для того, чтобы встретиться с первым человеком. Который, то есть, которая его явно знает, раз тайные знаки делала. И у него перстень крутой хэльской шишки, которых после Избавления всех перевешали. Я ничего не перепутал? Ничего не забыл? Хорошо. Теперь вопрос — кто за то, чтобы лезть в это говно ещё глубже? По итогам расследования можно получить или наград мешок или, что вероятнее, швабру в жопу по самые гланды — возможно, с летальным исходом. Приказывать при таких раскладах не возьмусь, так что голосуем. Кто за продолжение?

Несколько мгновений все хранили неподвижность, а потом подняли руки. Все трое.

0109. Кир. Пустота, наполненная дождевыми каплями

— Надо было звонить, — Робин явно был не в духе — его густые брови сошлись к переносице под ещё более острым углом, чем обычно, а звездообразные зрачки расширились и сужались. Он нервно барабанил пальцами по торпедо в такт стучащим в лобовое стекло каплям дождя.

— А чего сразу не сказал тогда? — Киру очень хотелось закурить, но огонёк сигареты мигом показал бы, что в машине кто-то есть.

— Опешил.

— Ну вот и я опешил. Плюс к тому у меня есть пара соображений. Во-первых, докладывать пока особо нечего. Что туда подошьёшь, кроме прикидок и чуйки? Просто отсигналить по инструкции, если что-то показалось — это лет сто назад можно было. Тогда ещё все боялись, что оно... вернётся. А сейчас-то... При плохих раскладах можно и по шапке получить. Во-вторых, и это беспокоит меня куда больше, вся эта история очень плохо пахнет. Если в этом деле замешан инспектор из прокуратуры, то либо он уже в курсе и доложил куда надо, либо... ну, ты понял.

— Они, похоже, заодно.

— Именно. Если он знает, что эта цыпа пользуется способностями, и прилетел её арестовать, то ведёт себя крайне мутно. Или арестовывал бы, и не конопатил мозги, или присматривался бы издали, незаметно. А пока всё выходит так, будто он ей помогать прибыл. Или наоборот — просить помощи. Или они вообще — давние сообщники. Я ответил на твой вопрос?

— Вполне.

— Вот и хорошо. Меня знаешь кто из наших больше беспокоит?

— Бригита. Методом исключения.

— Исключения, ага. А знаешь, почему? Она, с её-то любовью к инструкциям, тоже молчала. Даже не предложила отправить информацию по команде.

— Тоже опешила?

— Не исключаю. Но всё равно как-то подозрительно.

— Подозрительно?

— Хорошо, пусть будет "странно".

Они помолчали. Дождь усиливался. Над пирсами медленно светлело.

— Я всё же предлагаю прошвырнуться до места и заглянуть внутрь, — не выдержал Кир. Взгляд его был прикован к угловатому силуэту пакгауза, вырисовывающемуся на фоне туч.

— Сиди. Их семеро. Нас двое.

— Это меня тоже беспокоит. Зачем инспектор пошёл за полночь в старые доки я ещё могу себе представить. Пусть даже только что приехал, хрен с этим. Пусть даже после вечеринки. Могут быть причины. Зачем взял с собой шестерых амбалов — понятно. Но вот почему эти амбалы — из погранцов?

— Думаешь, стоило взять констеблей?

— Как минимум, это было бы логичнее! Какое касательство прокуратура имеет к

армии?

— А ты совсем сильно боишься, Кир. Даже не ругаешься. Слова умные говоришь.

— Хлебало завали, мозговед. Конечно, боюсь. Их семеро, нас двое, вокруг мили на две больше ни души, а море рядом. А я ещё и поспать успел часа полтора всего. Аж трясёт.

Они помолчали ещё немного.

— Смотри, выходят, — Робин толкнул задремавшего Кира локтем.

Сквозь струи дождя было плохо видно, что творится у ворот пакгауза, но можно было различить, что вереница фигур в плащ-палатках действительно выходит и направляется к стоящему неподалёку грузовику.

— Маловато их что-то, — проворчал Робин.

И в этот момент в стекло возле лица Кира постучали.

Кир вздрогнул и обернулся. Сквозь залитое водой стекло на него смотрел инспектор. Он стоял с непокрытой головой, в распахнутой шинели — точно так же, как и вчера во время прибытия. Дождь стекал по длинным волосам и худому острому лицу, казалось, не причиняя никаких неудобств. Инспектор даже не моргал. За его спиной виднелись силуэты двух пограничников.

Кир опустил стекло до половины. Правую руку оставил на руле, хотя очень хотелось потянуться к пистолету.

— Чем могу быть полезен?

— Старший следователь Кир Дайсон?

— Допустим, — Кир постарался не выдать неприятного удивления. В принципе, если этот фронт прибыл по делам, связанным с древними заморочками, логично ожидать, что личные дела сотрудников регионального спецотдела он заранее изучил — благо, их всего трое. Но всё равно было неприятно.

— Полагаю, проводите операцию? — тон инспектора был ровным, говорил он совсем негромко, но голос чётко слышался сквозь дождь. Словно резал его.

— Простите, инспектор, служебная тайна. Не могу ответить.

— Слышь, легавый, ты не дерзи, — пограничник слева выступил вперёд. Его лицо, наполовину скрытое капюшоном плащ-палатки, показалось Киру знакомым.

Инспектор молча бросил на пограничника взгляд через плечо. Тот стусевался и отступил обратно. Бросил: "Ничего, доберёмся до вас ещё, любители ушастых уродов..."

— Не поймите меня неправильно, старший следователь, я просто хотел предложить свою помощь. Мы с капралом и его людьми оказались здесь, и мне показалось правильным поддержать коллег. Вас ведь всего двое.

Что-то в лице инспектора казалось Киру странным, и это занимало его внимание даже больше, чем прозрачный намёк на угрозу в последней фразе.

— Благодарю за содействие, инспектор, не посмею отвлекать вас — ваши дела, без сомнения, более важны. Мы как раз собирались возвращаться в комиссариат. Я обещал доложить о проделанной работе в семь.

Инспектор улыбнулся. Неуклюжая импровизированная попытка Кира намекнуть на то, что в комиссариате знают, где он находится и быстро поднимут тревогу, ему явно понравилась. И в этот момент Кир понял, что привлекло его в лице инспектора. Шрам. Лицо двигалось как будто невпопад, словно его левая часть на полсекунды отставала от правой. Сейчас грим, которым шрам был замаскирован, потёк от дождя и улыбки, и стало можно

различить косою рубец от брови до края челюсти. Судя по всему, глубокий и безобразный, но точно определить было нельзя — грим был наложен мастерски.

— В таком случае не смею задерживать, старший следователь. И, да, если вам что-то понадобится — обязательно обращайтесь. Найти меня, я верю, труда для вас не составит.

Он развернулся и направился к грузовику, пограничники потопали за ним.

Кир поднял стекло и повернул ключ зажигания.

— Блин, косматый, я чуть не обделался.

— Я прикрывал, — Робин показал пистолет, который держал у бедра, так, что его не было видно снаружи машины.

— Блин, это всё-таки целый инспектор!

— Море рядом.

— Косматый, да ты бандит.

— С кем поведёшься.

— А погранцы?

— Они без оружия. Завести грузовик не успели бы, прятаться вряд ли бы стали. Ползали бы врукопашную. На два пистолета.

— Нет, косматый, ты не бандит, ты мясник.

— Прагматик. И трус.

— Ладно, вот теперь мы точно влипли, и давать задний ход смысла нет. Всё равно уже никто не поверит, что мы ничего не знаем. Остаётся — вперёд. И я точно знаю, что надо сделать дальше. Слезить в этот пакгауз и посмотреть, с чем они там копались. Они будут ждать, что мы это сделаем, поэтому придётся провернуться как можно тише. Но сначала выспаться. И пожрать, — Кир кивнул, как бы закрепляя сказанное, и тронул машину с места.

0110. Бригита. Крысиная нора

— Интересно, и вот отчего я не дома? — проворчала Бригита, пытаясь нашарить в кармане зажигалку. — Почему не отправилась после архива спать как приличная девочка? И начальник на это прямо намекал, и смысл, блин, здравый...

Зажигалка лежала в заднем кармане штанов, а короб вентиляции был слишком узким. Дилемма была налицо: или ползти вперёд ногами обратно до самого выхода, или проявлять чудеса гибкости. Ну, то есть, был ещё третий вариант — плюнуть и двигать дальше вслепую — но этого Бригите очень не хотелось. Она уже наткнулась на несколько гвоздей и длинных щепок, торчащих из стен короба, а смерть от столбняка совершенно не входила в список её жизненных приоритетов.

Снизу слышались шаги и голоса. Бригита замерла. Шли двое, говорили вполголоса, но стенки из фанеры были тонкими, так что слышно было хорошо. Оба мужчины, голоса грубые, сильные. Похоже, охранники. Обсуждают петушиные бои. Ожидаемо — какие тут ещё могут быть развлечения?

Слышно было почти каждое слово, так что пока охранники удалились, Бригита успела в подробностях узнать, как и на какую сумму вчера проигрался один из них, а от второго выслушать, что ставить всегда надо на пёстрых, потому что они бойчее, а белые и чёрные вялые, причём чёрные ещё и злые, быстро выдыхаются. В очередной раз напомнила себе, что стоит поакратнее быть со своей привычкой. Бормотать под нос при размышлениях она начала с детства. Косые взгляды одноклассниц в школе быстро отучили её делать это при посторонних, но наедине с собой она до сих пор неосознанно это делала. А сейчас она не одна. Всего на расстоянии вытянутой руки от неё может кто-то оказаться. Если бы эти двое шли молча, они бы наверняка её застукали.

Руку, наконец, удалось извернуть нужным образом, и Бригита, сосредоточенно сопя и стараясь не очень сотрясать короб, начала возвращать её в прежнее положение уже с зажатым в пальцах кирпичиком зажигалки. Внизу прошёл ещё кто-то. Один. Шаги более лёгкие и быстрые, чем у охранников — может, женщина. Горничная, скорее всего.

Акробатический этюд завершился. Бригита выставила зажигалку перед собой. Прислушалась — никого. Зажмурилась и щёлкнула колёсиком. В свете язычка пламени внутренности короба выглядели до ужаса неприглядно. Щепок и гвоздей впереди вроде не было видно, но только сейчас Бригита задумалась, как будет выглядеть, когда выберется из вентиляции — толстый слой чёрный пыли покрывал стенки, там и сям свисали бороды какой-то то ли паутины, то ли шерсти. Ползти дальше сразу расхотелось, но Бригита отогнала от себя такие мысли. Сзади было то же самое, и она в нём уже безнадёжно изгваздалась сверху донизу. Поздно давать слабину. Тем более, что залезть в особняк семьи Мангелис за информацией, испортить костюм и повернуть обратно, так ничего и не попытавшись узнать, будет совсем глупо.

Тем не менее, о выбранном способе проникновения Бригита всё же пожалела. Впрочем, поразмыслив, пришла к тому же выводу, что и раньше — больше не залезешь никак. Двери ночью заперты, окна в силу близящихся холодов законопачены, только и остаётся что в гараж, а оттуда — в вентиляцию. Проблема была в том, что если в гараже устье вентиляции было огромным, с весь короб, то внутри дома пока что попадались только проёмы в две ладони размером.

Даже сквозь них, однако, было видно, что дом обставлен богато и со вкусом. На фоне этой обстановки прокинутый под потолком короб из фанеры, даже если снаружи он был окрашен или заклеен обоями, должен смотреться... странно. Выходит, уже после того, как нынешние хозяева обустроили интерьер, им зачем-то понадобилась вентиляция более мощная, чем была предусмотрена штатно? Бригита на мгновение остановилась и попыталась ощутить движение воздуха. Нет. Ничего необычного. И запахов странных нет никаких — пахнет пылью и деревом. Если магазинщик с супругой решили тут устроить кузницу или лабораторию, то она явно ещё не работала. Впрочем, раз такое дело, вентиляция в любом случае приведёт именно туда. Придя к этому выводу, Бригита приободрилась и поползла бодрее.

Сколько времени занял путь, она даже примерно представить не могла. Субъективно казалось, что вечность, объективно засечь не удалось, так как часы она оставила в комиссариате. И, надо сказать, конечная точка Бригиту разочаровала. Обычный курительный салон, совмещённый с библиотекой. Ну, то есть, как "обычный" — до сих пор Бригита их только в журналах видела, бывать в богатых домах не доводилось. Но выглядело помещение на другом конце короба в точности как на журнальных иллюстрациях. Большая комната с тёмными обоями, несколько расставленных полукругом кресел, возле каждого — массивная пепельница на ножке. В центре столик с сигарными коробками, по стенам — книжные полки. Окон не было — судя по всему, это был самый центр здания — но зато вместо потолка был стеклянный купол. За которым явственно светало.

О приближении утра Бригита догадалась, впрочем, сама — уже какое-то время в коридорах слышалась хозяйственная суета, свидетельствующая о пробуждении прислуги.

Положение было глупым. Выбираться наружу большого смысла не имелось — ничего странного или подозрительного в курительном салоне на беглый взгляд не было, а для тщательного обыска уже не оставалась времени. К тому же, пока Бригита размышляла, в салон зашла горничная и начала неторопливую уборку.

"Потрясающе," — подумала Бригита. Как бы ни было обидно и досадно, но придётся признать, что вылазка оказалась неудачной. Да и вообще, следовало получше всё спланировать и тщательно обдумать, а не действовать на импульсе. Бригита поняла, что погружается в самобичевание от досады и одёрнула себя.

— Плоховато работаешь, Марта, — донёсся снизу ехидный голос. Кажется, один из тех двух охранников.

— Нормально работаю, иди, вон, своим делом занимайся, — огрызнулась горничная.

— Да как же нормально — смотри, вон пылища какая.

— Чего прицепился? Иди к Альфе цепляйся. Нет там пыли, я там протирала уже.

— А это что?

Последнюю фразу охранник произнёс, стоя прямо под местом, над которым притаилась Бригита. Она только успела подумать, что это неспроста, как оттуда же охнула горничная:

— Батюшки, ну откуда?

— Из вентиляции... — задумчиво произнёс охранник. — Из щелей.

— Крыса? — взвизгнула горничная.

— Какая крыса, дура. Крыса столько не натрясёт. Беги-ка позови старшего... Давай, чего встала!

Хлопнула дверь. Бригита затаила дыхание и стремительно размышляла. Ползти назад — не вариант. Вообще не вариант. Теперь-то её точно услышат, а задом наперёд она будет двигаться слишком медленно. Ждать тоже глупо — её просто найдут. Вон, уже слышен скрип — видимо, не в меру внимательный охранник подтаскивает кресло, чтобы заглянуть в проём. Остаётся действовать прямо сейчас — пока он тут один и, хочется верить, не ожидает активного противодействия. Бригита прикинула расстояние до проёма. Решётка выглядела не особо прочной. Улучив момент, когда кресло особенно громко скрипнуло ножками по паркету, рванула вперёд, ударив по решётке руками.

Как она будет падать, чтобы не поломать себе ничего, она задумалась уже в падении. Мимо мелькнуло изумлённое лицо охранника, книжные полки, и паркет ударил в лицо. Не теряя ни мгновения, Бригита вскочила. И упёрлась взглядом в дуло револьвера. Оно показалось ей огромным, как железнодорожный тоннель. Охранник застыл в странной растопыренной позе и левой рукой всё ещё держался за спинку кресла, но реакция его не подвела.

— Полиция! — гаркнула Бригита что было мочи. Это единственное, что пришло ей в голову.

Охранник на долю секунды заколебался. Бригита прыгнула в сторону, уходя с линии огня и помчалась к двери.

— Стой! А ну стой! — выстрелов слышно не было, и это ободряло. Хотя Бригита успела подумать, что с такого расстояния промаха не будет и выстрел она, наверное, просто не успеет услышать. Разбираться, в какую сторону открывается дверь, было некогда — но, к счастью, она открывалась наружу. Бригита припустила по коридору, за спиной слышался топот и грозные вопли. Ещё один охранник, чуть не на голову выше первого, появился в коридоре, пригнулся, растопырив руки, и рванул навстречу с намерением ухватить. Бригита наугад ворвалась в одну из боковых дверей. Какие-то картины, головы зверей на стенах, старинный доспех хэль в углу. Окно. Подхватив на бегу стоящий посреди помещения пуфик и охнув от внезапно немаленького веса, Бригита врезалась им в стекло. Вытолкнула наружу, выпрыгнула следом сама.

Собак во дворе особняка не было. Это она выяснила ещё перед проникновением, и сейчас была особенно рада этому факту. Перемахнув ограду, она продралась через окружающие её снаружи кусты и помчалась путать след среди подсобных строений соседнего двора. Вот здесь собаки уже были — и ей пришлось резко свернуть в сторону улицы. Забор был куда выше, чем у Мангелисов, но Бригита всё же успела оказаться на улице до того, как челюсти захлёбывающегося слюной и злостью пса сомкнулись на её лодыжке.

Крики преследователей затихали вдали. Похоже, её потеряли. Бригита замедлила скорость и начала думать о том, что будет говорить Киру по возвращении...

0111. Робин. Подозрения, гипотезы и неожиданности

Повисшая в кабинете тишина начинала становиться непереносимой. Робин посмотрел на Кира. Кир кипел — но теперь уже молча. Матерный монолог, которым он сотрясал стены несколько минут без передышки, кажется, не принёс ему никакого облегчения. Робин перевёл взгляд на Бригиту. Она сидела в противоположном углу и тоже кипела. Тоже молча.

— Ладно, все друг на друга наорали, пар выпустили. Что дальше? — он пододвинул чайник и начал подчёркнуто неторопливо наливать чай, — Предложения есть? Конструктивные?

— Есть, — пробурчал Кир, — Найти наковальню потяжелее и пристегнуть кое-кому к ноге. Чтоб прыти поубавилось.

— Понятно, — вздохнул Робин, — Бригита, пойдём покурим.

— Я не...

— Покурим, говорю. Пойдём. Заодно добудем шефу шоколадку какую-нибудь. Для настроения.

В курилку они, разумеется, не пошли. Выбрались на небольшой балкончик над главным входом. Видно отсюда было мало — комиссариат стоял в низине — но зрелище центральной улицы и пёстрых магазинчиков частично компенсировало отсутствие пейзажей. Робин облокотился на перила, помолчал и осторожно спросил:

— Важная вещь. Не взрывайся. Правда важно. Зачем ты туда полезла?

— Полезла... — тон Бригиты был сварливым, но она быстро успокоилась, будто воздух вышел, — Сложно сказать.

— Подумай. Не пытайся предположить, просто вспомни. Что сподвигло тебя. Поступок, согласишься, нерациональный. Необычно для тебя.

— Наверное... просто толкнуло что-то. Не знаю, как объяснить. Это казалось очень правильным и нужным, понимаешь.

— Понимаю.

— Понимаешь? — она была всерьёз удивлена.

— Да. У меня есть гипотеза. Вернее, подозрение. Вернее, у Кира. Он со мной советовался, потому что я больше в этом понимаю. Неважно, в общем. Возможно, у тебя неосознанно повышенная чувствительность к напряжению вероятностного поля реальности.

— В смысле? — Бригита дёрнулась и изумлённо вскинула брови, — У меня прабабушка была хэль что ли или что?

— Вряд ли. Полукровки не наследуют спецспособности, сама знаешь. Но когда говорят, что ими обладают только хэль, сильно упрощают. Отличия не столь велики. Всё живое существует в потоке реальности. Всё живое с ним взаимодействует. Хэль выработали способность влиять на него. Но это не значит, что остальные слепы и глухи — они просто не имеют инструментов воздействия.

— Это что, что-то очередное, чему не учат в академии? Очередная узкая тема для профильных специалистов?

— Именно. Очередное явление, не имеющее практического применения.

— Ничего себе "не имеющее"! По-моему, ещё как имеющее!

— Основа практического применения — воспроизводимость результата. Может, её и

удастся достичь. Лет через сто. Запомни одно. У тебя нет суперсилы. Ты не провидица. Не избранная. Не уникам. Просто иногда на тебя, как и на любого другого, может накатить.

— Накатить... — Бригита зажмурилась и с силой потёрла виски, — Так, давай размышлять логически. У всего есть объективная причина. Если это такая редкость, то конкретно меня и конкретно вчера... сегодня... неважно. Конкретно в этот момент должно было накрыть почему-то? Так?

— Так, — Робин улыбнулся, — Приятно видеть тебя прежней. Давай думать.

— Давай. Логичнее всего предположить, что это как-то связано с Адой Мангелис — раз уж она у нас единственный подозреваемый в... ну, ты понимаешь. В искажении вероятностного поля.

— На самом деле, не факт. Документы ей мог сделать и кто-то ещё. Но всё тем или иным образом крутится вокруг неё, тут сомнений нет.

Хлопнула дверь, и на балконе появился Кир.

— Шоколадки от вас дождёшься, пожалуй, ага. Чего порешали?

— Разбираемся, кто вероятностное поле мутит.

— Очень тянет в рифму ответить, — Кир опёрся на перила спиной и полез за сигаретами, — Вот в этом твоя вечная проблема косматый. Ты всегда ищешь, "кто", а надо в первую очередь кумекать "что делать". Остальное — служебные приложения к. Именно поэтому начальник я, а не ты.

— Во-первых, ты начальник, потому что я хэль. Во-вторых, какая рифма?

— Какая рифма?

— Ты сказал "в рифму ответить". Что из матерного рифмуется с "мутит"?

— Хуютит. Я только-только успокоился, косматый, не надо меня опять бесить. Думайте лучше, что дальше. Если мышь и в самом деле на что-то наткнулась, заявление Мангелисы писать не будут. Возможно, попытаются вторженца найти сами, по-тихому, но даже это сомнительно — руки у них коротковаты, мне кажется. А вот спрятать или перевезти что-то подозрительное, что у них дома есть, вполне могут. Значит, что надо делать?

— Следить за домом? — осторожно спросила Бригита.

— Верно. Жаль, повода залезть внутрь не будет. Легально залезть, понятное дело. Остаётся вопрос, куда деть тебя. Около Мангелисов тебе вертеться не стоит, это понятно. Но и в порт, к пакгаузу, где инспектор отирается, я тебя направлять опасаясь. А больше у нас точек интереса пока что и нет.

— Давай мы с Бригитой в порт, а ты к Мангелисам?

— Ну вот не нравится мне эта идея, понимаешь. Если там снова будут эти отбитые погранцы из "Железного кулака", то хэль и девчонка будут не самой удачной компанией.

— Мы пистолеты возьмём.

— Я не уверен, что мне от этого будет спокойнее, а не наоборот...

В балконную дверь постучали. За стеклом виднелось хмурое лицо констебля Траута. Кир вышел. Они с констеблем обменялись несколькими фразами вполголоса, после чего Кир вернулся. Выражение лица у него было странным.

— Поступило заявление от Павла Мангелиса о незаконном проникновении на территорию его дома. Сюрприз, правда?

— А с чего Траут тебе докладывается? — недоумённо спросил Робин.

— Личные связи, косматый. И небольшие долги там и сям. Они решают. В общем, заяву перехватили мы, и мы по ней будем работать. Хрена с два я косолапых из отдела краж и ограблений до этого домика допущу. Вообще, по-хорошему, мыш, надо бы тебя туда взять, но не рискну. Совсем наглость будет.

— Может, я платье надену? И бант на волосы?

— У тебя есть бант?! Кхм, проехали. Нет, всё равно рискованно. Берёшь в охапку косматого и дуετε в порт, есть у меня чуйка, что нас отвлечь решили как-то. Стволы возьмите. И не высовывайтесь особо. А я пойду, пощупаю магазинщика и его безутешную супругу за всякое.

— Это ты образно, я надеюсь? — Робин приподнял бровь.

— Как придётся. Всё, поскакали, не тормозим.

0112. Кир. Искры из глаз

— Биркин, господин следователь. Говард Биркин, — охранник улыбался неуверенно и чуть заискивающе, — Вы меня не помните, наверное, а я вас помню. Вы тогда как раз в комиссариат только пришли, а меня через пару недель после того попёрли из констеблей-то.

— Попёрли? — переспросил Кир, заложив страницу блокнота пальцем и закрыв его.

— Ну да. Это... — охранник опустил глаза, — По синьке. Колдырил много.

Кир присмотрелся к собеседнику. Красные прожилки на лице были, но почти незаметные, а глаза и вовсе сияли чистотой, как у младшеклассника. Учитывая масштабы алкоголизма среди личного состава и граничащее с саботажем наплевательство начальства, чтобы вылететь по пьяному делу, надо было употреблять в каких-то совершенно фантастических количествах. Что-то не складывалось.

— А сейчас ты, Говард, стало быть, в завязке, так? В такое хорошее место, думаю я, синяка не взяли бы.

— А вот и нет, господин следователь, не угадали! — охранник распрямил спину и улыбнулся с некоторой даже горделивостью, — Госпожа Мангелис пришла и предложила мне работу. Сказала — пить бросишь!

— То есть, "если пить бросишь"?

— Не-а. Вот прям так и сказала: "Ты, говорит, Говард, если ко мне охранником пойдёшь, то сразу пить бросишь. Ты, говорит, Говард, человек волевой, в тебе внутренняя сила есть. Я, мол, вижу". А я, знаете, горькую-то уже и на дух не терпел — а всё равно не мог без стакана никак. Ну и пошёл.

— И что, бросил?

— Вы не поверите — с первого же дня. И не тянуло больше совсем. И курить бросил тоже.

— И так ты, выходит, уже сколько? Почти четыре года, да? Работаешь на том же месте, не пьёшь, не куришь. Выходит, хорошо всё?

— А чего б не хорошо-то? Деньги приличные, место авторитетное.

— Ты сказал, тебя хозяйка наняла. А как же муж её?

— Господин Павел-то... — охранник на секунду замялся. Кажется он был искренне озадачен.

— Да. Господин Павел Мангелис.

— Дык он это... — Биркин явно пребывал в недоумении и лихорадочно работал головой, как будто у него внезапно спросили о простейшей вещи, которая, однако, полностью вылетела из памяти, — Господин Павел он же магазином в основном... Ну, то есть, по дому — это не его же...

— А ты вообще часто его видишь?

— Нет. Не очень.

— А как он с женой разговаривает?

— Ну, они по телефону больше... Ну, видел, конечно как они говорят и так.

— И как же они общаются? В смысле, ладят, ссорятся?

— Да я не...

— А главный из них кто, как думаешь?

— Ну... — внезапно охранник осёкся. Наклонил голову к плечу, лицо его приобрело

отстранённое выражение, — Не уверен, что всё это имеет какое-то отношение к незаконному проникновению в дом.

Повисла пауза. Кир открыл блокнот и поднял карандаш к носу. В подсобке, где они разговаривали, было тихо, лишь доносились сквозь стену отголоски болтовни служанок из прачечной.

— Ты хорошо рассмотрел нарушителя, Говард? — спросил Кир максимально нейтральным тоном.

— Да нет, не особо, если по-честности, — охранник тут же приобрёл прежний неуверенно-заискивающий вид.

— Опиши его максимально подробно.

— Ну, шкет какой-то. Лет, наверное, шестнадцать, может чуть постарше. Мелкий. То есть, невысокий. Тощий. Ну, то есть, нищобродь какая-то, из уличной шпаны. Присматривал, наверное, чтобы подсвечник украсть какой или чернильницу.

Кир мысленно перевёл дух с облегчением.

— Одет во что был?

— Да хйба ж его разберёт. Он же пока полз, всю паутину за год на себя собрал. Штаны какие-то и лапсердак. Кепка большая такая. Или шапка. Не рассмотрел. Удивился ещё — это ж когда я малой был, такое носили, а сейчас у них мелкие такие плюгавенькие кепарики козырными считаются.

— Хорошо, — Кир сделал вид, что записывает в блокноте.

— А вот ботинки, кстати.

— А что ботинки?

— Хорошие ботинки у него были. Я удивился ещё, да. Но женские. Небось, украл где-нибудь.

— Понятно. Лицо разглядел? Узнать сможешь?

— Какое там. Он же сразу по коридору порскнул, только пятки засверкали, а потом в галерею и там в окно. Я его, считай, только со спины и видел.

— Ну что ж, — Кир постучал тупым концом карандаша по странице, — Это, как ты понимаешь, всё осложняет. Пока подумай, может что ещё вспомнишь, а мне с госпожой Мангелис переговорить надо.

— А, да, конечно. Пойдёмте, провожу вас к ней.

Ада Мангелис ждала в гостиной. Простое голубое платье, никаких украшений. Самый минимум косметики. Она была очень красива. Гораздо более красива, чем Кир запомнил по вечеринке в магистрате. Тёмные волнистые волосы, правильные, как у статуи, черты лица, столь же правильная фигура. Книжная иллюстрация из любовного романа, а не женщина.

Лицо, поза, движение, которым она подалась навстречу, и интонация, с которой поздоровалась — всё выражало доброжелательность, стремление помочь всем, чем потребуется, и лёгкую нотку испуга произошедшим. Выражало настолько выверенно и правдоподобно, что Кир хмыкнул про себя. Дамочка или отчаянно пытается сбить с толку следствие, или жаждет мимолётной интрижки с господином следователем. Второе он счёл маловероятным, хотя полностью отбрасывать не стал.

— Чем могу помочь вам, господин Дайсон?

— Хотел задать несколько уточняющих вопросов касательно безопасности дома. Вы

уделяете ей большое внимание, как я понял. Шестеро вооружённых охранников — нешуточная армия.

— Вы же понимаете, господин Дайсон — мы живём богато, а обстановка в последние годы беспокойная.

— Понимаю. А почему не заведёте собак? Пара сторожевых псов куда полезнее полудюжины людей, особенно ночью. Вы могли бы позволить себе самых породистых и натасканных.

— Ах, у меня аллергия на собак. Ужасная, с самого детства.

— Прискорбно слышать. А почему хотя бы не поставите решётки на окна? Если бы они были, воришке не удалось бы сбежать.

— Ну что вы! Я провожу дома почти всё время — неужели мне сидеть, как в тюрьме?

— В самом деле. А вот ещё про вентиляцию хотел спросить. Она, как я понимаю, сделана недавно?

— Да, около года назад. Павел много курит, и запах разносит по всему дому, это невыносимо.

— Я, конечно, не инженер, но если просто проложить трубу, снабдив её отдушинами в каждой комнате по пути, дым будет разноситься только сильнее. Конечно, если в курительной, например, находится что-то очень горячее и открыта форточка в куполе, тяга будет. Но для этого, как мне кажется, недостаточно пары-тройки сигар.

— Это всё делал муж, — впервые в голосе Ады послышалось что-то вроде раздражения, — Я ничего в этом не понимаю.

— Кстати, о вашем муже. Как я понял из разговоров с обслугой, он очень редко бывает дома. Как же у него получается прокуривать здесь всё?

— Вы очень умны, господин Дайсон. Просто невыносимо, раздражающе умны.

Мир слегка, едва заметно дрогнул. Кир внезапно понял, что периферическое зрение теряет чёткость, а фигура Ады словно бы растёт, заполняя собой всё, хотя сама она не двинулась с места. Он успел подумать, что это очень странно — ведь на ней нет никаких украшений. И ещё — что Робину непременно будет интересно это услышать. А потом весь мир стал светом. Тёплым ласковым и добрым светом.

0113. Бригита. Встречи и расставания

- Ты видишь то же, что и я?
- Не знаю. А что ты видишь?
- Робин, давай вот только без этого!
- Тише. Услышат. Да, я вижу, что они уезжают.

Пограничники забирались в грузовик, а прибывший несколькими минутами раньше курьер нетерпеливо ёрзал на сиденье тарахтящего рядом мотоцикла. Это было похоже на неожиданный подарок. Бригита и Робин больше часа ломали голову, сидя в зарослях бурьяна за забором через пустырь от пакгауза, как проникнуть внутрь. И ответ был один — никак. Шестеро погранцов баклуши не били — разбившись на пары, патрулировали вокруг. Две пары ходили, третья отдыхала — но тоже начеку, не засыпая и не играя в кости. И если бы удалось проскочить внутрь каким-нибудь хитрым окольным путём, опасность бы сохранилась — старший время от времени на несколько минут исчезал в двери, видимо, осматривая помещение. Даже при том, что ни у кого из них не было оружия, затея выглядела блёклой. Бригита понемногу склонялась к выводу, что придётся возвращаться с пустыми руками. И тут вдруг — такое. Примчался на мотоцикле взмыленный курьер — по виду из срочников. С горящими глазами и на взводе. Передал старшему какой-то пакет, после чего погранцы начали спешно и с видимым энтузиазмом готовиться к отъезду. Все шестеро.

- Или нам очень повезло, или я не знаю... — пробурчала Бригита, прислушиваясь к тому, как затихает между заборами и корпусами звук двух моторов.
- Или не повезло.
- В смысле?
- Так бы мы обратно поехали. А теперь внутрь полезем. А там проблемы могут быть.
- У нас работа такая. Двигай давай. Во-первых, надолго ли они убрались. А во-вторых я сама боюсь. Если будешь долго меня отговаривать — я соглашусь, и мы поедем обратно.
- Когда рядом нет Кира, ты начинаешь его напоминать, — буркнул Робин, выбираясь из зарослей, — Он на тебя плохо влияет. Или хорошо.

Бригита хотела что-нибудь ответить, но передумала и молча полезла за ним. От долгого сидения на холоде всё тело заоченело, и казалось, что каждый сустав скрипит. Но двигаться было приятно — это разгоняло кровь, и когда она добежала до пакгауза, то почти согрелась.

Робин, который добрался до входа раньше, с подозрением оглядывал дверь в левой створке высоких грузовых ворот.

- Что-то не так?
- Наоборот, — пробормотал он, не отрывая взгляда от замка, — Наоборот. Всё слишком так. Они так торопились, что даже не заперли за собой.
- Думаешь, ловушка?
- Не знаю. Здесь никого нет. Это точно. Мы бы увидели. Услышали. Если только капкан или растяжка... но в этом нет смысла. Нет, думаю, это не ловушка.
- Тогда открывай.
- Не стоит считать хитростью то, что может оказаться простым разгильдяйством. Им оно, скорее всего, и окажется, — Робин вздохнул и повернул ручку двери.

Внутри было совсем не темно, вопреки ожиданиям Бригиты. Широкие столбы света падали из квадратных окон в скатах крыши, в них висела тонкая пыль. Центр помещения был расчищен, Немногочисленные стеллажи и ящики были как попало сдвинуты в стены. В самом центре стояло несколько небольших картонных коробок, похожих на обувные, и пара жестяных фляг — похоже, для краски. Рядом лежали несколько малярных кистей на длинных ручках, плотницкий угольник и какая-то катушка — Бригите она показалась похожей на мерную ленту.

— Как бы смешно это ни звучало, но предлагаю разделиться, — сказал Робин, — Быстрее осмотрим. Неизвестно, когда они вернутся.

— Согласна, подумав, кивнула Бригита, — Давай ты по часовой, а я против, потом посмотрим инструменты в центре.

Бессмысленность затеи Бригита поняла почти сразу — стеллажи были пусты, в ящиках, ни на одном из которых не было крышек, была только потемневшая от старости и пыли стружка. Судя по всему, ничего из этого давно не использовалось. На полу между всем это тоже было пусто, если не считать мятого проржавевшего ведра, стёртой покрышки и подобного хлама. Перестав внимательно приглядываться, Бригита чуть не пропустила люк. Видимо, он вёл в какие-то дренажные отводы, потому что был небольшим и решётчатым. Небольшим, но достаточным, чтобы через него мог протиснуться тощий человек. И он был открыт. И от него вели уже немного подсохшие, но отчётливо видимые в пыли следы — куда-то в темноту между следующими двумя ящиками.

Надо было окликнуть Робина. Но может, лучше пока не давать неизвестному знать, что его обнаружили? Нет, если он где-то здесь прячется, то не мог не видеть, что она заметила люк и следы. Значит, можно шуметь.

С этой мыслью она открыла рот, но где-то в стороне — однако совсем рядом, сильно ближе, чем она думала — щёлкнул металл.

— Не двигаться, — знакомый голос, — И вы, господин хэль, тоже не шевелитесь. И будьте добры держать руки на виду.

Бригита медленно подняла руки перед собой ладонями вперёд. Краем глаза заметила, что Робин на противоположном конце пакгауза сделал то же самое.

— Мы с вами встречаемся в странных местах, госпожа полицейская, — в тени шевельнулся силуэт, наполовину выступив на освещённое пространство. Тускло блеснула сталь большого угловатого пистолета.

— Господин Янг, — прошипел Робин, широко и неприятно улыбаясь.

У хэль со зрением и слухом было куда лучше, чем у людей. А у Робина — ещё и с памятью. Но теперь и Бригита узнала голос. Дерек Янг. Сильно отошал и, кажется, слегка припадает на правую ногу — совсем не такой, каким она запомнила его по той встрече пару месяцев назад.

— В прошлый раз ты называл меня "девочкой". Что ты тут делаешь?

— Вопрос не в том, что я тут делаю, вопрос в том, чего я тут не хочу делать. А именно — оставлять пару трупов и лужи крови. Поэтому у меня предложение — вы тихо выходите и проваливаете на все четыре стороны. У меня очень мало времени.

В другой руке Янг что-то держал, но Бригита никак не могла разобраться, что именно. Впрочем, сейчас её занимало не это. Мозг лихорадочно работал. Янг проник сюда тайно и боится наследить. По крайней мере, на видном месте. Значит, не хочет, чтобы пограничники и инспектор узнали о том, что в пакгаузе кто-то побывал. Хочет украсть что-то? Или, наоборот, оставить? Что?

— Довольно глупо с твоей стороны появляться второй раз там, где тебя уже однажды поймали, — произнёс Робин.

— Капитан пограничников сказал то же самое. Не тяни время, хэль — они скоро вернуться, а это не нужно ни мне, ни вам. Разворачивайтесь и уходите. Вы мне не нужны.

— Ты же понимаешь, что так не пойдёт. Ты просто пристрелишь нас снаружи, — сказала Бригита, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Да мать же вашу! Понятно, что вы мне не верите, но второй раз так их отвлечь уже не получится, а у меня здесь важное, очень важное дело!

— Так, может, начнёшь его делать, а мы посмотрим? — фыркнула Бригита. В ней понемногу закипала злость, вытесняя собой страх. — Ты не можешь нас тут убить, и что будешь делать, если я просто останусь на месте?

— Ты уверена, что хочешь проверить? Он кажется нервным, — бросил Робин.

— Я не нервный. Я, блядь, в бешенстве. Считаю до пяти и стреляю — уже насрать, наслежу тут или нет. Может, удастся свалить ваши трупы на белого — хоть задержу его немного. Раз!

Бригита завизжала от страха — про себя... по крайней мере, она искренне надеялась, что не сделала это вслух — и прыгнула в сторону, за пустой ящик. Так себе защита, но, может. Она не успела додумать мысль, потому что ударил выстрел. Брызнули щепки, и вот теперь она точно завизжала вслух. Может, ящик поможет хотя бы тем, что скроет её из виду, вот. То, что патрон в патроннике есть, она на этот раз помнила отчётливо. Проблема была в другом — ладони скользили по рукоятке — и когда они успели так вспотеть? — и она чуть не выронила пистолет в открытый люк.

С противоположного конца пакгауза раздалось сразу три выстрела, почти слившиеся в единый раскат. Даже так они звучали тише, чем грохот гаубицы Янга — это Робин. Янг что-то прокричал и выстрелил ещё раз. На сей раз рядом с Бригитой ничего не разлетелось — значит, стрелял в Робина. Бригита попыталась не обращать внимания на ледяной ком в желудке и, не переставая визжать, высунулась из-за ящика. Стрелять она, кажется, начала ещё до того, как выглянула, выставив только ствол. Сколько раз выстрелила, так и не поняла, но затвор на задержку не встал — значит, хоть один патрон да остался.

Из задней части пакгауза послышался удар и треск дерева.

— Уходит! — крикнул Робин, — Заднюю дверь вышиб!

И он выстрелил ещё дважды. Потом повисла тишина. В столбах света плавал тонкий прозрачный дым, остро пахло порохом. Бригита высунулась ещё раз, осторожно осмотрелась. Янга нигде видно не было. Собравшись с духом, она зигзагами перебежала помещение и хлопнулась задом на пол рядом с Робинем, засевшим, как и она, за пустым ящиком.

— За ним?!

— Н-не думаю, — у Робина отчётливо стучали зубы, — Он легко нас там сможет подстеречь. Видела, какой там лабиринт?

— И что тогда? Ждём немного и убираемся отсюда?

— Д-думаю, д-да.

— А осмотреть? — только сейчас Бригита почувствовала, насколько сильно у неё трясутся руки.

— Какой "осмотреть"? Просрали всё, что можно. Сейчас до телефона добраться, вызвать оцепление. Тогда всё осмотрим. Считаем до ста и валим.

Досчитали они только до сорока. Потом посмотрели друг на друга, поняли, что другому не терпится убраться, и убрались.

Когда Робин заводил машину, у него уже даже почти не тряслись губы.

Бровь люто болела. Вся правая половина лба казалась распухшей и горячей. Робин изо всех сил боролся с глупым детским желанием потрогать пластырь.

— На вот, хлебни, полегче станет, — молодой детектив, имени которого Робин никак не мог запомнить, протянул фляжку.

— Спасибо.

Пойло было недорогое и не очень качественное, но действительно помогло. Глоток разлился по телу теплом, которое отчасти растворило боль — не столько острую, впрочем, сколько надоедливую. Робин вернул фляжку и поискал глазами Бригиту.

Бригита стояла у самого заграждения, уперев руки в бёдра и что-то выговаривала собравшейся там толпе зевак. За её спиной переминались с ноги на ногу два констебля. Символизировали. Присмотревшись, Робин понял, что разговаривала Бригита с двумя знакомыми ему персонажами. Долговязый Рик из "Ежедневного вестника" и низенький толстый Пауль из "Городского телеграфа". Считай, вся пресса на месте, кроме, разве что, "Еженедельника для хозяек и дочерей", который от новостей дистанцировался подчёркнуто. Особенно от таких.

Внезапно толпа зашевелилась и загомонила — сквозь неё кто-то пробивался. Рик и Пауль расступились, и появился Кир. Точнее, почти упал в объятия Бригиты. Выглядел он встрепанно, пиджак съехал набок, лицо покраснело. Левой рукой он размахивал удостоверением, а правая была сжата в кулак, которым он угрожающе потрясал над головой. Пауль задал вопрос. Отсюда Робину слышно не было, но ответ Кира он разобрал прекрасно, поскольку тот явно не был намерен блюсти политесы и кого-то стесняться: "Я те, толстый, щас такой комментарий дам, что не унесёшь! И сотрудницу мою мучать прекрати — всё равно ничего не скажет!"

Кивнув Бригите, Кир осмотрелся и быстрыми шагами направился к Робину. Молодой детектив, приветственно махнув, отошёл в сторону, давая переговорить наедине.

— Так, косматый, рассказывай что случилось и куда вы дели пакгауз.

— Пешком бежал?

— Машину вы забрали, так что вариантов было немного. Но нет, я нашёл извозчика. Постой-ка, чем от тебя пасёт? Ты накатил уже что ли?

— Все накатили. Ты заместителя магистра не видел.

— А он тут был?

— И есть. Там, с пожарными. От него выхлоп такой, что глаза режет.

— Н-да... неудивительно, в общем.

Кир повернулся к воронке. Робин не стал повторять его движения. Картина и так впечаталась ему в память. Над складами стелился жирный чёрный дым, в промежутке между зданиями можно было рассмотреть прореху, похожую на вырванный зуб — воронку на месте пакгауза, где они с Бригитой были всего пару часов назад.

— Так что было-то?

— Мы пришли. Погранцы были на месте. Потом уехали. Видно, их выманили. Выманил Дерек Янг.

— Подожди, террорист, которого мышь подстрелила летом?

— Да. Он проник в пакгауз. Раньше нас. Была перестрелка. Он сбежал, мы отправились вызывать подкрепление. Пока были у телефона, пограницы вернулись. Подожгли пакгауз. Думаю, заметили следы. Испугались или что. Янг оставил там взрывчатку. Заложить, верно, не успел, бросил, но её не заметили. Ну и...

— Поня-а-а-тно... — протянул Кир и смачно сплюнул сквозь зубы, — Это сколько ж он её принёс?

— Много. Пакгауз в клочья разлетелся. В горящие. Весь район усыпало. Жертвы неизвестны. Пока пропавшими числятся четверо складских сторожей — остальные успели разбежаться. Эти, может, тоже разбежались, просто не добрались до начальства пока. Пограницов не нашли. Где Янг — неизвестно.

— Дело приобретает невероятно потрясающий оборот...

— Что?

— Невероятно потрясающий оборот. Дело приобретает.

— Это точно всё, что ты хочешь сказать? — Робин искоса присмотрелся к Киру. Выглядел тот, вроде бы, вполне нормально. В смысле, именно так, как и должен был — нервничающим, потеющим и ошеломлённым.

— В смысле?

— Ну, то есть, именно этими словами?

— Я не понял, косматый, ты чего вдруг начал за словами моими следить? Я же не речь перед газетчиками толкать собираюсь. Скажи лучше, что с головой у тебя? Пуля?

— Была бы пуля, я бы с тобой не разговаривал. Щепка. От ящика.

— Так, вы! — громкий окрик заставил Робина и Кира обернуться. От горящих складов размашистой походкой приближался заместитель магистра. Выглядел он вполне трезвым, если не присматриваться к остекленевшему взгляду. — Кто ведёт расследование со стороны полиции?

— Очевидно, я, — наперез заместителю шагнул молодой детектив, — Свен Ринго, убойный отдел.

— Убойный? — удивился заместитель.

— Отдел краж и ограблений или нарушений общественного порядка сюда точно не годится. А по терроризму и диверсиям у нас отдела нет, — Ринго обезоруживающе улыбался, как-то умудряясь при этом сохранять деловой и собранный вид.

— Ну хорошо, допустим. Эти что тут делают? — заместитель полупрезозоительно махнул на Кира с Робинем, — Ловцы фокусников...

— Свидетели.

— Свиде-е-етели? Ну ладно, раз так. Когда эксперты будут?

— Эксперт. Она у нас одна. И, думаю, ей всё равно нет большого смысла тут делать, пока не потушен огонь. Что говорят пожарные?

— Вы у меня, Свен Ринго, отчёт требуете, что ли, я не понял? Вы ведёте следствие — вы и идите спросите у них. Докладывать мне лично каждый час, поняли! Я буду в магистрате, звоните напрямую.

Проводив заместителя магистра взглядом, Кир спросил:

— Кстати, где Хильда-то, правда?

— В отпуске, — буркнул Ринго, — В аккурат вчера вышла, на неделю.

— И куда?

— На острова рыбачить. Одна. Как её искать — неведомо, разве что сигнальными ракетами писать на небе "Срочно возвращайся"... — Ринго зажмурился и потёр переносицу, — Ладно, пора бы и в самом деле поработать, коллеги. Давайте вы очистите территорию и поедете напишете по случившемуся, например, отчёт, чтобы мне не пришлось конопатить мозг со снятием показаний в официальной обстановке. А я пойду организую констеблей, они как раз сейчас должны начать прибывать.

— Сюда? — удивился Робин.

— Сюда, да. В помощь пожарным — сами они такое пламя точно не потушат, почти сразу попросили содействия.

Робин хотел сказать, что в городе может начаться что-нибудь нехорошее, пока вся полиция будет таскать воду, но Кир дёрнул его за рукав и утащил в сторону. Второй рукой он яростно махал, призывая Бригиту. Когда все трое собрались, он посмотрел по сторонам, убедившись, что рядом никого нет, и негромко заговорил:

— Значит так, с Мангелисами — ложный след, нет там ничего. Берёмся за вопросы поактуальнее. Кто-нибудь видит здесь нашего любимого белобрысого хлыща из столицы? Вот и я не вижу. Думаю, он затевает что-нибудь подозрительное. И даже догадываюсь, что.

— И что? — спросила Бригита.

— Единственный эксперт-криминалист города и окрестностей в отпуске на островах. Кого отправят её искать, чтобы вызвать сюда?

— Пограничников, — поразмыслив, сказал Робин.

— Молодец, косматый, возьми с полки пирожок. И, думается мне, проблема не в том, что они могут её там не найти. Проблема ровно наоборот — в том, что они могут её найти. И тогда точно никто не сможет раскопать, что было в пакгаузе.

— Что предлагаешь? — скептически поинтересовался Робин.

— Для начала, найти господина инспектора и приглядеть за ним. Что делает, с кем общается. Я мыслю, с погранцами у него здесь замутка была сугубо неофициальная и, скорее всего, через голову их начальства сделанная. На личных, так сказать, контактах. И вполне вероятно, что эти шестеро — вообще единственные, с кем он там спелся. Значит, ему нужно будет найти новых дуболомов взамен пропавших. И, наверное, не столь... прямолинейных. Думаю, сейчас он занят примерно этим. Двинули.

— Ты давай заводи машину, мы с Бригитой на минутку задержимся. Кое-что проверить хочу.

Когда Кир удалился, Робин хмуро посмотрел на Бригиту:

— Тебе ничего странным не показалось?

— Детектив Ринго. Никогда раньше не видела, чтобы он пил.

— Нет, я не про него. Про Кира.

— Про Кира? Знаешь, пожалуй, что-то показалось. Он... говорил как-то необычно.

— И я даже скажу, как. Ни одного бранного слова. Хотя творится пиздец. А ты знаешь, как он говорит, когда пиздец.

— А ведь да... И что это значит?

— Пока не знаю. Но держи ухо востро. Идём, не будем задерживаться. Держись естественно.

И они зашагали к машине.

0115. Кир. Мерцание

— Эй, ты чего?

Голос Робина доносился глухо и как будто издалека.

Кир не ответил. Затормозил, вывалился наружу, не закрыв дверцу, сделал несколько неверных шагов. Снег. Под подошвами скрипел снег — его тонкий голос, как ни странно, было слышно отчётливо, будто он раздавался прямо под крышкой черепа. Впереди вырос кривоватый забор. Кир навалился на него плечом и замер. Его кто-то тряс, что-то кричал, а он молча стоял, закрыв глаза, и пытался собрать мысли.

Он был за рулём.

Они ехали искать инспектора. Так, нет, чуть раньше. Взрыв склада, террорист Янг. Откуда Янг, он же давно арестован? Нет, секунду — теперь надо позже.

Дорога. Они ехали по дороге. Не трясни меня, не надо, я сейчас всё вспомню, не надо кричать. Ехали по дороге. Косматый прицепился с расспросами, зудел и зудел над ухом, что-то всё узнать хотел. Про что узнать хотел? Про дом... какой-то дом...

Кир почувствовал, что голова плывёт, а к глотке подкатывает тошнота, будто от сотрясения мозга. Заднице холодно и мокро — кажется, он сполз и сел в снег. Или его усадили. Больше не теребят и не кричат. Хорошо.

Он снова попробовал сгрести рассыпающиеся конфетти мыслей в единую конструкцию, на этот раз аккуратнее. Если не думать о том, что спрашивал Робин, муть понемногу отступает. Мразотный хэль, все беды от них. Нет, стоп, Робин — нормальный хэль, не из таких. Нет, от этого снова начинает звенеть в затылке, думаем о другом, о другом. Надо просто обходить это, как в юности обходишь опасные улицы, где чужие пацаны. Туда потом можно будет вернуться, но когда будешь готов и сильнее. И лучше с неожиданной стороны.

Есть ещё одна мысль, вторая, при приближении к ней тоже мутит. Место, где он был перед тем, как наведаться в комиссариат и там узнать про взрыв на складе. Дом Мангелисов. Нет, не совсем так — от самой мысли про дом Мангелисов ничего плохого не происходит. Наоборот, он высится в памяти чётко и красиво, до последней щепочки. Про него думать даже приятно. Но сейчас не надо — когда о нём думаешь, становится так хорошо, что перестаёшь думать о чём-то другом. Надо немного добавить неприятного, для чистоты головы — как палец уколоть. Попробуем немножко качнуться фокусом внимания обратно к расспросам косматого. Только аккуратно, будто шпилькой в замке шарить. Потихоньку, чтоб не сорвалось...

Р-раз. Проклятые качели — вперёд-назад, от комфорта к тошноте и обратно. Амплитуда уменьшается, в голове становится светлее. Надо же, пока он пытался найти баланс в голове, его уже успели поднять под руки и усадить на порожек машины — заднице больше не мокро и гораздо менее холодно. Мышь стоит рядом, смотрит встревоженно, но молчит. Поймала его взгляд, наклоняется, хочет что-то сказать. Нет! Молчи! Молчи, собьёшь с мысли! Отшатнулась, закрыла рот. Может, он сказал это вслух.

Где я был? Да, вторая мысль, от которой плохо. Не дом Мангелисов, а где-то рядом. В смысле не по адресу, а по смыслу рядом. Какая-то вещь, которая, если оказывается рядом с вопросами Робина, цепляет их, как один контакт за другой, и гремит сигнализация. Мерзкая дребезжащая сирена, от которой слабеют ноги. Если осторожно ходить вокруг этих двух

мыслей кругами, отдельно вокруг каждой, снег приминается, и можно локализовать каждую. И понять, не глядя на них прямо, что они такое. Сказка такая вроде была. Про чудище, на которое нельзя смотреть, но один хитрый фраер взглянул в зеркало, и так одолел. Вот что-то вроде этого.

В руку пихают что-то тёплое. Фляжку. Кир, не задумываясь, поднёс ко рту и отпил большой поток. Вкуса не почувствовал, но стало теплее и спокойнее. Потом фляжка, кажется, выпала из пальцев, но он не обратил на это внимания, он думал о другом. Всё было хорошо, пока косматый не спросил. Нет, не так. Он спрашивал много раз, так и эдак, с разных сторон — ровно как он сам сейчас пытается подступиться к неизвестному, но неприятному. И докопался-таки. Как — неясно. Об этом пока больно думать. То ли нашёл нужные слова, то ли просто долбил в одно и то же место, пока трещина не пошла. И тогда стало плохо. Вывод?

Встать надо, башка не варит совсем, а сидя заснуть недолго. Земля под ногами ходит как качели. Снова качели? Мышь пытается подхватить под локоть, помочь устоять, да куда там — весу в ней... как в мыши. Кир с размаху облокотился на жалобно скрипнувший капот, помотал головой. Так, вроде ноги держат. Возвращаемся к выводу. Если его, Кира, о чём-то как следует спросить, ему станет плохо. Если спрашивать не как следует, но о том же, то плохо не станет. Значит, что? Значит, до этого он что-то отвечал на эти вопросы. Отвечал, ничего не подозревая. Врал? Не знал? Не знал. Не знал, а когда подковырнули так, что не отвертишься — вырубился, как от апперкота. Всё небо в алмазах. Физиологическая, как сказал бы Робин, защитная реакция. Как у кумушки, к которой мигрень приходит, когда муженёк слишком долго докапывается, куда она семейные деньги снова спустила.

Знакомая ситуация.

Где про неё можно было услышать?

Это было давно. Цифра "шестнадцать" вспоминается. Или это число? Да, число, не цифра.

Шестнадцать.

Неважно, хрен с ней, с цифрой, или с числом — хрен с ним. Не это важно. Логически размыслив, от чего возникает защитная реакция такой силы, если спросить про что-то, чего ты как бы не знаешь, но на самом деле знаешь?

— Мышь! — он не был уверен, что его голос звучит достаточно громко, но Бригита услышала, снова приблизила лицо, — Мышь, что такое "шестнадцать"? Первое, что в голову приходит.

— Шестнадцать?

— Да, шестнадцать. Четырежды четыре. Академия. Это что-то из академии.

— Какой-нибудь пункт, параграф? Шестнадцатая статья кодекса?

— Шестнадцатая статья — проникновение со взломом, это не то. Почти то, но не то, это в голове.

— В голове. Академия. Шестнадцать. Не знаю, процедуры?

— Возьми в кармане леденец, милая. Шестнадцать процедур. Помнишь, на выпускном курсе. Дурацкие, низачем не нужные, их ещё отменить хотели.

— У нас и отменили. Ты же раньше учился.

— Всё таки отменили. Ха. Ха-ха-ха! — Кир хохотал и лупил кулаками по капоту, Бригита испуганно отшатнулась. — Отменили! Потому что они бесполезные, да?

— Ну... да. Нет практического смысла подвергать курсантов долгим и болезненным процедурам, предохраняющим от опасности, которой на практике не существует.

— Не существует! Ха-ха! Самый смешной анекдот года, мышь! Косматый куда, за коновалом убежал?

— Да, за врачом. К телефону.

— Отлично. А фляжка откуда?

— Констебль дал.

Кир повернул голову. Рядом и в самом деле стоял констебль. Совсем молодой, тощий, смотрел напуганно и с лёгкой брезгливостью, с какой обычно смотрят на душевнобольных.

— Что, топтун, пожар тушить не взяли тебя? Впрочем, пофиг. Дай руку, поможешь в тачку сесть, там теплее. Сейчас вот косматый вернётся, потом эскулап приедет, даст мне таблеточку или клизму, может, поставит, и я совсем огурцом буду. И потом мы поедем с косматым тётю Аду Мангелис за сиськи брать и в околоток тащить.

— Аду Мангелис? — Бригита непонимающе моргнула, — Ты же сказал, что...

— Ага. Я же сказал, что там всё нормально. Именно. И именно поэтому ты туда не поедешь. У тебя процедур не было. От спецвоздействия на сознание предохраняющих. А они, прикинь, реально работают, хоть и не так хорошо, как нам об этом пели. Плохо работают, если честно, из рук вон. Но лучше, чем никак. Слышь, молодой, фляжка твоя где? Дай-ка я ещё накачу...

0116. Бригита. Разговор по душам

Наверное это было плохой идеей, но Бригите так и не пришло в голову ничего лучше — поэтому она сидела за этим столом. На стене громко тикали часы. Большие, в вычурной рамке с государственным гербом. За окном падал снег, пахло чернилами, застоялым табачным дымом и чем-то сладким.

Когда час назад хмурый Робин и явно не вполне оправившийся Кир двинулись арестовывать Аду Мангелис, Бригита сказала:

— Нам всё ещё надо найти инспектора. Я пока займусь этим.

Кир посмотрел на неё долгим взглядом. Лицо его было серым, левый глаз залит кровью из лопнувших сосудов, пальцы подрагивали.

— У меня такое ощущение, мышь, что я сейчас кидаю в пчелиный улей гранату без чеки. Не буду тебе ничего говорить, сама всё понимаешь. Ты и так умнее меня, почти такая же умная, как косматый. Так что это... доклад по возвращении, и я надеюсь, в нём не придётся отмазываться от причастности к уничтожению ещё одного района.

Он захлопнул дверцу и сказал Робину: "Трогай". Бригита посмотрела вслед удаляющейся машине и направилась в противоположную сторону. Через квартал ей попался извозчик, которого она остановила, махнув удостоверением. Секунду помучившись совестью, высадила из пролётки пожилую супружескую пару и велела гнать к ближайшему телефону. Оттуда позвонила дежурному и сказала, что направляется в штаб погранзаставы. Не то чтобы она ожидала каких-то реальных неприятностей, но всегда лучше, когда свои знают, где ты.

И вот теперь она здесь. Наверное, это и в самом деле плохая идея, да. Если пограничники в сговоре с инспектором, и вместе они задумывают что-то плохое, ей вряд ли поможет и сообщение дежурному и даже пистолет, лежащий в сумочке — она, правда, так и не собралась проверить, сколько патронов в нём осталось. Но никаких более продуктивных идей в голову так и не пришло. Не затевать же слежку за заставой — в одиночку и при такой-то погоде? А если не знаешь, что делать — просто пойди и спроси. Это, по опыту Бригиты, срабатывало чаще, чем можно подумать.

Открылась дверь. Бригита подумала, что снова, в третий уже раз, заглянет секретарь (или как это называется у военных?) и скажет, что майор задерживается ещё на пять минут. Но это был майор Вархус, командир заставы, собственной персоной. Невысокий, плотный, с обширной багровой лысиной и пышными усами, как на старых портретах.

— Горячего вам, вижу, уже предложили, — он посмотрел на чашку в руках Бригиты так, будто это был последний чай из его личных запасов, — Чем могу помочь?

— У меня вопрос, касающийся столичного инспектора.

— Инспектора? Господина... — майор так сосредоточенно нахмурился, что чуть не сел мимо стула, — Ну да, я понял, о ком вы, госпожа младший следователь. И что с ним?

— Некоторое время назад он привлекал нескольких ваших людей для работы в порту.

— Допустим. Насколько мне известно, они делали это в неслужебное время, так что это не моя зона ответственности.

— В неслужбное?

— Да, у всех шестерых был недельный отпуск. Это всё, что вы хотели спросить?

— Вообще-то, нет. Кстати, — бросила Бригита как бы между прочим, — Мне интересно, почему он обратился за помощью к вам, а не в комиссариат.

— Это очень правильный вопрос, госпожа младший следователь, — майор неприятно улыбнулся уголком рта, — Подумайте, почему инспектор не стал просить поддержки у полиции.

— Если вы на что-то намекаете, то я не...

— Я не намекаю. Я, госпожа младший следователь, говорю прямо и открыто. Бездействие полиции и её вопиющая либеральность в обращении с врагами государства давно вызывают беспокойство. Как видите, и у высокопоставленных официальных лиц тоже.

Бригита усилием воли подавила вскипающее раздражение, постаравшись, чтобы эта борьба не отразилась на лице.

— Либеральность, говорите...

— А как ещё это называть? Когда нарушителей порядка закрывают на два-три дня, а потом отпускают, когда бунтующую толпу у магистрата увещевают разойтись, вместо того, чтобы разогнать пулемётами. Когда нелюдь имеет больше прав, чем человек. Это вы как предлагаете назвать?!

— Это называется "законность", господин майор, — Бригите стоило большого труда не сделать чего-нибудь глупого, она просто крепче стиснула ручку чашки.

— Законность! — фыркнул майор, распушив усы, — Закон, госпожа младший следователь, должен охранять государство и его граждан, а не врагов.

— Этим полиция и отличается от армии. У вас есть враги и свои, а у нас есть граждане государства. Некоторые из которых нарушают законы — но от этого гражданами быть не перестают.

— Вот из-за таких как вы, с такими вот воззрениями, страна и летит в... — майор осёкся, явно проглотив ругательство.

— А у инспектора, значит, воззрения другие?

— Что вы ко мне прицепились? Я уже сказал, что не имею к этому отношения. Хотите знать — поговорите с бойцами напрямую. Если у вас больше нет вопросов, я попросил бы вас освободить помещение, у меня много работы.

— Вопросы есть. Ещё буквально два, коротких.

— Ну? — лицо майора понемногу багровело.

— Я видела здесь, в штабе, у многих ваших людей татуировки. Латная перчатка и молния. Кажется, организация "Железный кулак", верно?

— И что? "Железный кулак" не запрещён, как бы ни пытались этого добиться отдельные... — майор снова проглотил нецензурщину, — Отдельные лица в парламенте. И я, если вам это интересно, только одобряю подобные увлечения подчинённых — здоровый патриотизм службе не вредит. Второй вопрос?

— Не видели ли вы инспектора сегодня? Буквально часа полтора-два назад, например?

— Нет, не видел. Аудиенция окончена, — майор ткнул кнопку селектора на столе, — Михель, проводи госпожу младшего следователя до выхода!

Шагая по прокуренным коридорам, Бригита мрачно думала, что делать дальше. Единственный имевшийся вариант она благополучно заперола собственной

несдержанностью. Кир бы на её месте наверняка сумел разговорить майора. Ловить пограничников в увольнительной и опрашивать их? Это долго, да и толку будет ещё меньше — её пошлют сразу и куда дальше.

Секретарь по имени Михель — единственный, пожалуй, вежливый и симпатичный из встреченных здесь людей — распахнул перед ней дверь и пожелал доброго вечера. Бригита рассеяно кивнула в ответ и с удивлением обнаружила, что извозчик так и ждёт её перед шлагбаумом КПП. На его широкополой шляпе и плечах тулупа лежал снег, мягкий тент пролётки провис под весом белой шапки. Хоть какие-то хорошие новости. Сейчас она сядет, прикажет медленно двигать вперёд, а сама пока подумает над дальнейшими планами.

Она подошла к пролётке. Из-под тента ей тепло и добро улыбнулся инспектор.

— Здравствуйте, госпожа Лин. Надеюсь, не обидитесь, что я реквизиrowал вашего извозчика и попросил подождать. Хотел показать вам кое-что, забирайтесь.

0117. Робин. Тревожный и очень шумный, но совершенно незабываемый вечер

Большая картонная коробка была полна наполовину. Бумага — исписанная от руки или покрытая паучками машинописного шрифта, иногда жирными и чёрными, иногда бледно-лиловыми, набитыми через копирку. Ржавые кнопки и скрепки. Корешки разовых пропусков, просроченные талоны на спецпитание. Огрызки карандашей, истёртые ластики. Пара потемневших мелких монеток, стреляная гильза. И, разумеется, обереги. Их Робин вылавливал из прочего хлама и выкладывал в два ряда на столе.

Хлопнула дверь, в кабинет вломился Кир.

— Ну как? — спросил Робин, не поднимая головы, хотя ответ был очевиден уже по раздражённой походке.

— Вдвоём поедем. Никого не дали — все, видишь ли, на пожаре, а кто не на пожаре, тех всё равно нельзя отпускать, потому что в городе сложная обстановка. А мы, выходит, на чай с пряниками выдвигаемся, у нас там обстановка будет простая, как два пальца намочить.

— Плохо. А я подготовил вот.

— Ну, я вижу, что ты у нас как обычно мыслишь трезво и разложил на два комплекта, а не на пять или шесть. С этим как, что-то делать надо будет или просто надеть?

— Просто надеть. Ну, если верить инструкции. Я в конкретно этом разбираюсь не лучше тебя.

— Лучше. Хотя бы тем, что инструкцию эту раскопал и прочитал. Ну что, давай облачаться, что ли?..

Облачались они по очереди, сверяясь со схемами на пожелтевших листах старинной брошюрки, которая, судя по бравым усачам в высоких касках на иллюстрациях, была выпущена ещё в Кипящем веке.

— Так, а это что? — спросил Кир, когда Робин протянул ему массивный плетёный из проволоки перстень с двумя оранжевыми камнями, — В перечне его нет.

— Конфискат. Тоже поможет.

— Точно? Они и штатные-то бранзулетки не очень помогали даже во времена, когда эту книжечку печатали.

— Не помешает.

— Ну, это ты прав. На какой его палец?

— Безымянный левой руки. Там линия жизни.

— Тебе-то второй найдётся? — буркнул Кир, с усилием накручивая перстень на толстый палец.

— Разберусь.

Несколько минут спустя они были готовы. Прошли в гараж — дежурный проводил их странным взглядом. Робин подмигнул ему и позвенел браслетом из медных чешуек на левой руке ("Предмет защитного снаряжения № 11, затягивается плотно, но не чрезмерно на три пальца выше локтя"). Дежурный закатил глаза и снова уткнулся в газету.

Темнело, снег усиливался, он валил большими ноздреватыми хлопьями, с которыми дворники автомобиля почти не справлялись. На половине пути Кир свернул не туда, и Робин, задремавший было, чтобы поберечь нервы, вскинулся:

— Нам в другую сторону!

— Спокуха, косматый. Заглянем кое-куда. Я решил тоже кое-какой конфискат прихватить.

Крюк оказался длинным — они доехали до самой окраины. Север города, где в побережье врезалась длинная и узкая бухта. Когда-то, лет тридцать назад, тут был рыболовный порт. Сейчас — кладбище ржавых сейнеров среди лабиринта полуобвалившихся пакгаузов. Пакгаузы вызывали у Робина неприятные ассоциации, поэтому он остался в машине, когда Кир затормозил и вылез.

Не было Кира минут пять. Вернулся он перепачканный ржавчиной, с массивным свёртком в руках. На ходу развернув грязную тряпку и отбросив её в сторону, он грузно плюхнулся обратно за руль.

— У нас сегодня день ретро, косматый, — бодро сказал он и продемонстрировал массивный пистолет с коробчатым кожухом, из которого выступал длинный ствол, — Кавалерийская модель, винтаж. С усовершенствованиями! Рука не поднялась сдать его после изъятия, как знал, что пригодится.

— Откуда это?

— Помнишь, ты когда в больничку на три месяца загремел? Меня тогда привлекли в подкрепление, брали одного подпольного оружейника. Мартин Севас, хороший человек. Сейчас, говорят, в столичном арсенале работает. Из подвала у него вывезли прорву всякого железа, ну я эту вот крошку себе и отжал, никто не заметил.

— Он хоть стреляет? — Робин скептически поморщился, — Может, я возьму? Всё равно не попаду никуда.

— Э, нет. Ты к этому даже пальцем не притронешься. Неизвестно, насколько эта машинка палёная и в какой мокрухе могла засветиться. Я ещё так-сяк отмажусь, если что, а вот тебя отмазать не смогу точно, — Кир оскалился, достал из рукоятки пистолета магазин, выщелкал массивные жёлтые патроны, покатал на ладони и начал заряжать обратно, — Семь штук, думаю, хватит. Ну и да, надеюсь, оно стреляет...

Робин, вздохнув, полез проверять свой пистолет. Пока он возился с защёлкой магазина, Кир успел зарядить свою пушку, с громким лязгом передёрнул затвор и, аккуратно повернув рычажок предохранителя, начал пристраивать оружие за пояс. Не поднимая взгляда, буркнул:

— Короче, косматый, план такой. Входим, кладём всех мордами в пол, Аду берём. Если кто дёрнется — валим наглухо, — замолчал на секунду, посморел в глаза, — Понял? Любое лишнее движение, любое непонятное слово, вообще хоть что-то подозрительное — валишь наглухо. Под мою ответственность.

— А инструкция? — Робин хотел задать вопрос с ехидцей, но голос подвёл и вышло жалобно.

— Думаешь, самый умный? Во-первых, инструкции по обращению с обладателями спецспособностей нет. Была, но лет восемь назад отменили чохом вместе с кучей прочих устаревших уложений. Видать, долго не использовалась. Да, не смотри на меня так, я звонил в архив и спрашивал. Всё равно делать было нечего, пока ждал приёма у комиссара. Была, но отменили. А во-вторых, тебе всё равно не понравится, что в ней было написано. Сам

угадаешь или подсказать?

— "Валить наглухо", — севшим голосом проговорил Робин.

— Ага. Слова покучерявее, но суть именно та. Нет, Аду мы, конечно, попробуем взять живьём и поговорить, но если она хоть чихнёт — не думай, сразу гаси. Понял? Ладно, едем, а то время не ждёт, — и Кир тронул машину с места.

Они притормозили напротив особняка Мангелисов и Кир полез в карман.

— Самый главный оберег забыли, — он вытащил значок и пристегнул на грудь, — Всё, теперь ни одна скотина не отмажется, что приняла нас за грабителей. Статья четыре, пункт один: "Неподчинение сотруднику полиции при исполнении им непосредственных служебных обязанностей", пункт два: "Воспрепятствование исполнению сотрудником полиции его непосредственных служебных обязанностей", пункт три: "Создание потенциальной угрозы здоровью сотрудника полиции при исполнении им непосредственных служебных обязанностей".

Робин вытащил свою картонку эксперта и прицепил на карман. Смотрелась она не так внушительно и полномочий давала куда меньше, но всё равно стало и в самом деле немного спокойнее.

— Забор тут высокий, лезть долго будем. А вот ворота хлипкие. Пристёгнут? Хорошо. Держись крепче.

Кир надавил на газ, машина с рёвом рванула вперёд. Робин вцепился в сиденье, но удар оказался заметно слабее, чем он ожидал — створки ворот распахнулись почти не оказав сопротивления. Кир продолжал жать на газ, и на несколько мгновений Робину показалось, что он собирается протаранить и двери особняка, въехав прямо в холл. Но он затормозил в нескольких метрах от крыльца — машину занесло, колёса, взвизгнув, осыпали стену дома гравием с дорожки.

Пока Робин отстёгивал ремень, Кир успел взбежать по ступенькам. Дверь он не стал даже трогать, вместо этого швырнув стоявший на крыльце вазон с цветами в забранное матовым стеклом световое окно рядом. Крикнул что-то через плечо — Робин не расслышал, кровь стучала в ушах от волнения, но догадался, что это "Быстрее давай!"

К тому моменту, когда он, наконец, выбрался из машины и добрался до окна, Кир уже проорал внутрь: "Полиция! Лежать!" и почти без паузы выстрелил в глубину холла. Неловко прикрывая друг друга, насколько позволяло узкое окно, они по очереди пролезли внутрь. Свет не горел, и в холле было сумрачно. У двери в дальней стене катался по полу и вопил крепкий мужчина в костюме, рядом с ним лежал небольшой револьвер. Кир, пробегая мимо, отбросил револьвер ногой в сторону и крикнул "За мной! Давай, не залипай!" Робин встряхнулся и последовал за ним.

За дверью был длинный коридор, очень скудно освещённый. В отблесках нескольких ламп виднелись роскошные тканые обои, какие-то столики на резных ножках и картины. Грубый деревянный короб, тянущийся под потолком, смотрелся совершенно чужеродно. Они бежали по коридору, Кир пинками распахивал двери направо и налево, быстро заглядывал внутрь и мчался дальше. В одну он крикнул "Где хозяйка?!", послышался перепуганный женский крик и наступила тишина. Робин, пробегая мимо, зглянул — в комнате, похожей на кладовку, лежала на полу юная горничная — похоже, в глубоком обмороке. "Оставь её, косматый, двигаем! Так найдём!" — рывкнул Кир.

Дверь в конце коридора распахнулась, оттуда загрохотало. Робин врезался плечом в

дверь справа быстрее, чем успел сообразить, что происходит. Дверь распахнулась, и он влетел в комнату, по коридору сквозь место, где он только что был, завывало горячим. Остро воняло пороховым дымом. Крики Кира слышались левее — кажется, он укрылся в комнате напротив.

Охранники палили без передышки, и через несколько мгновений послышались холостые щелчки курков. Потом стихли и они. Перезаряжаются. Робин понял, что надо попытаться проскочить в комнату дальше, пока есть возможность, но ноги не держали. Он привалился к дверному косяку, стараясь, чтобы никакая часть его тела не выступала в коридор. Напротив Кир точно также, но гораздо более уверенно прятался за своим дверным проёмом. Он выставил в коридор руку с пистолетом, оперев её о стену, и, выглядывая краем глаза, целился дальше по коридору. На его лице застыл хищный оскал. Злой, почти нечеловеческий.

Из конца коридора донеслось сдавленное: "На счёт три! Раз! Два! Три!" Кир четырежды нажал на спуск. Робина оглушило, вонь пороховой гари стала непереносимой. Кир рванул из двери и исчез из вида.

Страх никуда не делся, но бросать друга одного Робин никак не мог, поэтому, почти не видя ничего перед собой, тоже выскочил в коридор и побежал. В распахнутой двери в конце лежали два тела, одно немного шевелилось. Из проёма лился странный жемчужно-белый свет, будто за дверью горела очень яркая люстра.

Кир добрался до конца коридора первым, привалился к косяку слева от прохода и обернулся на Робина, одними губами проговорил ему "Давай быстрее!" Робин врезался в стену с правой стороны и постарался перевести дыхание. Под ногами стонал охранник, а к воню пороха отчётливо примешивался металлический запах свежей крови. К горлу подкатил комок.

Кир быстро заглянул внутрь и мгновенно убрал голову обратно. Ничего не произошло. Он показал Робину три пальца. Загнул один, потом второй. Робин сглотнул, крепче стиснул рукоять пистолета, из которого так ни разу и не выстрелил, успел подумать, что они тоже входят на счёт "три", и ломанулся внутрь.

Внутри было светло и чисто. И очень-очень тихо. Кажется, даже стонов раненого не было слышно, хотя он был всего в паре шагов сзади. И, что самое странное, не было никаких запахов, будто их отрезала незримая завеса, заперев в коридоре. Кир смерил глазами то, что было перед ними и отчётливо негромко проговорил: "Пиздец..."

0118. Бригита. Важность простого человеческого общения

Извозчика они остановили на перекрёстке, за которым начинался район особняков. Инспектор легко спрыгнул с пролётки, каким-то образом тут же оказался по другую её сторону и подал Бригите руку. Бригита приняла её и спустилась, только потом подумав, что на эти пару мгновений оказалась совершенно незащищённой. Инспектор, впрочем, кажется, не имел никаких агрессивных намерений — отступил на шаг, улыбнулся и подчёркнуто вежливо не заметил, как она торопливо ухватилась за сумочку, где лежал пистолет.

— Пойдёмте, госпожа Лин, — он махнул извозчику, отпуская его, — Тут недалеко. По дороге расскажу вам кое-что — хотел сделать это наедине.

— А куда мы идём?

— К особняку Мангелисов, — инспектор повернулся и неторопливо зашагал по улице.

Бригита аккуратно, стараясь не щёлкнуть застёжкой сумочки слишком громко, вытащила пистолет, переложила его в карман и пошла следом.

— А что вы хотите показать в особняке Мангелисов?

— Думаю, стоит начать с самого начала, госпожа Лин, — инспектор замедлил шаг, ожидая, когда Бригита поравняется с ним, — Я всегда верил в важность общения. Если тебе что-то нужно, необязательно делать всё в одиночку — всегда есть кто-то, кто может помочь. А чтобы он тебе помог, не обязательно заставлять его силой или хитростью — обычно достаточно договориться по-хорошему. Возможно, мне с самого начала стоило заручиться поддержкой полиции в том деле, ради которого я прибыл в город.

— Заручаться поддержкой полиции имеет смысл у комиссара, — скептически заметила Бригита.

— Формально — да, но я предпочитаю по возможности избегать лишних передаточных звеньев. Сейчас у нас с вами есть возможность уладить ситуацию быстро и без лишних жертв.

— Лишних жертв? Всё настолько опасно?

— Не притворяйтесь глупой, вам не идёт. В порту от взрыва погибли шесть человек. Шесть человек, которых я убедил мне помочь. Это достаточная нагрузка для моей совести, чтобы я начал задумываться о правильности избранного мной пути. Сначала я пытался сделать всё максимально тихо и не привлекая внимания официальных властей. По ряду причин. Это оказалось излишне самонадеянным. Решив действовать в тени, куда не всегда дотягиваются руки государства, я остался наедине с теми, кто в этих тених живёт. И приспособлен к ним куда лучше моего.

Инспектор замолчал. Бригита поёжилась — огней вокруг почти не было, и тёмные изгороди особняков надвигались справа и слева как стены ущелья. Свет угасающего вечера пробивался едва-едва, и в нём лицо инспектора вырисовывалось ещё более угрожающим, чем обычно. Калейдоскоп теней подчёркивал рассекающий лицо шрам. Поверх шрама был наложен грим, но, кажется, уже давно, и в последнее время инспектору было не до того, чтобы следить за ним.

— Простите, что нарушаю вашу драматическую паузу, инспектор. У меня к вам два

вопроса.

— Валяйте, — он криво усмехнулся. Только сейчас Бригита поняла, что асимметрию лицу придавал именно шрам.

— Как к вам обращаться?

— Довольно неожиданно, должен сказать, — он улыбнулся чуть теплее, — Тим. Называйте меня Тим.

— Но...

— Это не то имя, которое стоит в моих документах, верно. Впрочем, вы всё равно не вспомните, какое оно там. Поэтому просто Тим. У этого имени есть одно достоинство.

— Его просто запомнить? — не удержалась Бригита, хотя настроения для шуток не было.

— Значит, два достоинства. Ещё оно — настоящее.

— Такое доверие — это часть вашего... способа решать проблемы? Или... — Бригита стиснула в кармане рукоятку пистолета и нащупала предохранитель.

— Догадываюсь, о чём вы думаете. Нет, я здесь сегодня с самыми добрыми намерениями, прошу поверить. Во всяком случае, по отношению к вам, — он развёл руки, как бы демонстрируя, что в них ничего нет, — А что за второй вопрос?

— Ваш шрам. Очень характерный — скользящий удар длинным тяжёлым клинком. Где вы нарвались на такой раритет? Кажется, холодное оружие крупнее ножа даже на юге не используют уже лет сорок.

— Страшнее нет косо́го сабельного шрама... Вы наблюдательны, госпожа Лин.

— Нет, просто вы забыли подновить грим, — Бригиту уже несло, как и всегда от страха.

— Ошибки молодости, скажем так. Я хорошо сохранился. А теперь, если вы не возражаете... — откуда-то спереди донёсся звучный удар металла о металл, — Да, нам, вероятно, стоит поторопиться, как можно слышать. Так что, если вы не возражаете, я перейду к сути.

В тишине раскатились несколько отрывистых хлопков — всё оттуда же, спереди.

— Стреляют? — Бригита дёрнулась вперёд, — Что там?

— Там особняк Мангелисов, к которому мы идём. Ускорим шаг. Бежать не стоит — только выдохнемся. А пока идём, слушайте меня. Я здесь, чтобы остановить Аду Мангелис. Поначалу, когда я прибыл в город и увидел её, я думал, что она мне поможет. Мы... давно знакомы. Я узнал её по тайному знаку, она меня — по перстню на пальце. Мы вспомнили старое и всё было хорошо. Пока я не понял... не вспомнил, что она всегда отличалась иным подходом к решению проблем. Она не договаривается, она принуждает. Так ей кажется проще. Эффективнее.

— Вы так и не сказали, о какой проблеме идёт речь... Тим.

— И вот тут мы вступаем на сложную территорию, госпожа Лин. Я мог бы солгать, но у меня нет ни желания, ни, если быть совсем честным, времени для придумывания версии достаточно правдоподобной для вашего острого ума. Я скажу вам правду и надеюсь, что вы отреагируете спокойно. Конкретно в этом городе и конкретно в ближайшие дни сложились благоприятные... предельно благоприятные, какие бывают раз в несколько десятков лет, условия для того, чтобы провести один крайне сложный ритуал.

Бригита резко остановилась. Реакция инспектора была быстрой, но недостаточно — он всё же оказался на полшага впереди. И тогда она, сдвинув предохранитель, наставила ему в

спину пистолет, не вынимая из кармана, и сказала:

— Вы арестованы, не двигаться. Или вы тоже скажете, что вас свинец не берёт?

— Почему "тоже"? — удивление инспектора казалось настолько искренним, что он даже вздрогнул, опешив. Остановился и медленно развёл руки в стороны.

— Неважно. Руки держите на виду, так. Что за ритуал? Ада сейчас проводит его в особняке?

— Я всё равно собирался всё это рассказать. Так что мы просто поменяли положение на менее удобное. Да, Ада сейчас его проводит. И, боюсь, сделает это образом, угрожающим жизни ряда людей. Этот ритуал должен воскресить... одного хэль.

— Я уроки учила, — фыркнула Бригита, — Воскрешение мёртвых невозможно даже при помощи самых низкоуровневых манипуляций с альфа-омега-полем.

— Это не вполне воскрешение. Я просто пытался объяснить короче и понятнее, — маска ледяной самоуверенной невозмутимости инспектора дала трещину, его голос чуть задрожал и ускорился, а поза стала более напряжённой, — Это как бы реконструкция его... личности. Не всей, воспоминаний и образа мыслей. Как бы слепок, восстановленный по косвенным признакам.

— И что здесь может угрожать людям?

— В той версии ритуала, которую проводит Ада, требуется человеческое жертвоприношение. Шесть человек. Её охранники. Она полностью контролирует их, они без раздумий лягут под нож.

— Там стреляли. Скорее всего, кого-то из охранников она уже недосчиталась.

— Значит, использует служанку. Или кого-то из ваших коллег. Импровизированные жертвы работают хуже, но работают.

— Ясно. Побежали. Руки держите на виду — я прямо за вами и держу вас на мушке.

И они побежали. Инспектор честно держался в нескольких шагах впереди, нырнуть в сторону или предпринять ещё какой-нибудь фокус не пытался, руки всё так же держал расставленными в стороны. Выглядело глупо — как будто он ребёнок, изображающий самолёт.

До особняка Мангелисов оставалось совсем немного — Бригита уже видела изгороди и свёрнутые с петель ворота — когда из центра здания в небо разлилось пронзительно-голубое сияние. Будто бесшумный взрыв полыхнул.

"Снова взрыв. Слишком много взрывов для пары дней в тихом городе", — подумала Бригита и прибавила скорости, криком подгоняя инспектора.

0119. Кир. Встреча в ослепительном белом свете

Кира занимали всего две мысли. Обе имели довольно опосредованное отношение к происходящему, и это, наверное, должно было стать поводом для беспокойства, но вот конкретно беспокойства он почему-то не ощущал. Первое, о чём он думал, были все те бранзулетки, которые они с косматым так долго и тщательно навешивали друг на друга по инструкции. Было интересно, действуют они или нет. Судя по тому, что Кир был до сих пор жив и в относительном сознании, хотя бы отчасти они оказались не бесполезными. Второе — яркий белый свет. Кир думал о том, что после того, как всё закончится, он минимум на пару лет перейдёт к ночному образу жизни. Желательно при свечах. Всё яркое и светлое теперь будет напоминать ему об Аде Мангелис. Хотя, конечно, сокрушаться на этот счёт имеет смысл только в том случае, если он переживёт этот вечер. Что далеко не факт. Да и об Аде Мангелис ему тогда довольно многое будет напоминать.

Кир, конечно, не был самым впечатлительным человеком в городе, но то, что сейчас было у него перед глазами, могло пронять кого угодно. Ада Мангелис висела в центре помещения прямо в воздухе, ни на что не опираясь, и на человека была похожа уже мало. Кир не мог сказать, что конкретно выглядит не так. Хозяйка особняка будто расплывалась перед глазами, слегка двоилась, пропорции лица и тела неуловимо менялись каждую секунду — совсем немного, но достаточно для того, чтобы она больше напоминала гротескную страшную куклу. Временами Ада выглядела как хэль — её зрачки приобретали крестовидную форму, а уши становились заострёнными — но в следующее мгновение всё возвращалось к прежнему виду.

Рассмотреть это всё Киру времени более чем хватало. Воздух вокруг был густым, как желе, и тело двигалось очень-очень медленно. Как под водой, только ещё тяжелее. С момента, когда они с Робином ворвались в помещение, прошло, наверное, несколько минут, но ему удалось сделать лишь полшага — точнее, занести правую ногу. Пистолет он сразу держал направленным вперёд, и некоторое время назад сумел навести его в лоб Аде. И даже нажать на спуск. Курок неторопливо повернулся вперёд и хлопнул по ударнику с хорошо различимым стуком, после чего ничего не случилось. Кир надеялся, что, возможно, сейчас в глубине патронника всё же неторопливо горит порох и скоро вытолкнет пулю, поэтому не отводил дула от цели.

Робина видно не было — если он и ворвался в дверь, то уже следом, а тратить неизвестное количество времени на то, чтобы обернуться и проверить, Кир не хотел. Не было его и слышно — но в помещении курительного салона сейчас вообще отсутствовали какие-либо звуки.

В общем, если рассудить здраво, положение было весьма тухлое. Единственное, что вселяло в Кира оптимизм — это выражение лица Ады. Она явно была напугана, даже паниковала. Отсюда можно было сделать логический вывод, что пара застрявших, как мухи в варенье, полицейских с нестреляющими пистолетами, всё же представляли для неё какую-то угрозу. Осталось понять, какую. Благо, времени на размышления было предостаточно.

Курительный салон выглядел, как будто по нему промчался ураган. Мебель была перевёрнута и раскидана, на полу валялись сброшенные с полок книги, некоторые

рассыпались на страницы. За спиной Ады бесшумно вращалось ослепительно яркое веретено света, под его нижним концом, почти касающимся пола, на паркете белой краской были вычерчены линии. Странная изломанная фигура, от взгляда на которую болели глаза. По периметру фигуры были нарисованы шесть букв — ни в какое слово они не складывались, да и гадать об их смысле сейчас явно было не время. На трёх из них, дальних от Кира, стояли охранники. Лицами к веретену, протянув к нему руки, с закрытыми глазами. В отличие от Ады, видно их было ясно и чётко. Кир узнал Говарда Биркина, которого допрашивал, кажется, вечность назад. Все трое были бледны и как будто нездоровы — ввалившиеся щёки, скрюченные пальцы, морщины у век. Значит, трое стоят и троих не хватает. Очевидно, что недостающие сейчас истекают кровью за спиной. Может, этим вызвана паника Ады? И ещё. Шестеро охранников, линии, ровно выведенные краской. Инспектор таскал в порт шестерых пограничников для каких-то нужд. А в пакгаузе, по рассказам мыши, была краска, кисти и плотницкий угольник с мерной лентой. И ещё Ада с инспектором явно друг друга знали. Всё сложилось в довольно стройную картину, и оставалось только понять, кто из них занимался основным осуществлением операции, а кто — резервным. Кир почувствовал облегчение от того, что пакгауз уничтожило взрывом — по крайней мере, если они сумеют подпортить происходящее здесь... чем бы оно ни было... можно будет считать особый отдел условно победившим. Наверное.

Хлопнула дверь. Первый звук, раздавшийся в помещении с того момента, как Кир в нём оказался. Противоположная дверь — её частично заслоняло проклятое веретено, слепившее глаза. Мягкие шаги — странно, почему их слышно. Сдавленный женский крик удивления, тут же оборвавшийся — знакомый голос. Неужели...

— Здравствуй, госпожа, — а вот этот вкрадчивый голос не узнать было тем более сложно.

Инспектор появился в поле зрения Кира. Ада резким движением развернула голову к неожиданному гостю. "Вот теперь весь цирк точно в сборе", — хотел сказать Кир, но с голосом вышло ровно то же, что и с пистолетом. Язык и губы вроде двигались, пусть и медленно, но ни звука не раздавалось. А вот Ада говорить могла — хотя её губы шевелились не в такт словам, будто смотришь плохо дублированную фильму в синематографе.

— Тим... мой неверный пёс. Что ты здесь делаешь? — голос Ады резал ухо, тональность плавала от баса до визга, слова рассыпались на отдельные звуки.

— Пришёл закончить то, что мы начали. Твой способ не сработал. Мой, как ты наверняка уже знаешь, не сработал тоже. Старая заржавелая истина, которую мы забыли, госпожа, состоит в том, что добиться успеха можно лишь объединив усилия.

Инспектор выглядел чужеродно. Точнее, на самом деле он как раз был самым нормальным в этой безумной комнате — и именно это смотрелось до невыносимого странно. Его голос звучал абсолютно обычно — разве что не отдаваясь от стен, будто вокруг была пустота. Он двигался не замедленно, не расплывался и не двоился. Бригиту — а Кир был уверен, что в начале слышал именно её вскрик — видно не было. Она наверняка оказалась в таком же заторможенном состоянии, что и Кир.

Ада молчала. Инспектор неторопливо обошёл её, мельком бросил взгляд на Кира, потом за его спину — ага, значит, Робин действительно там — улыбнулся. Киру бросилось в глаза, что грим почти стёрся, теперь шрам можно было разглядеть без усилий.

— Тебе не хватает троих. Двое уже здесь — их дух достаточно силён, я думаю, они подойдут. Я привёл последнюю. Она хороша. Сияет ярче всех прочих вместе взятых. Думаю, можно приступать.

Он подошёл к Аде. Их лица оказались на одном уровне. Красивым плавным движением он вынул из-под шинели стилет с тёмным лезвием длиной в ладонь. Чуть наклонился, коснувшись губами губ Ады, и загнал лезвие ей в солнечное сплетение по самую рукоять.

Реальность в комнате словно моргнула — на мгновение всё стало выглядеть иначе. Кир не успел рассмотреть, как, потому что сразу же всё стало прежним. Инспектор отпустил стилет. Аду дёргало и корчило нечеловеческими, паучьими движениями. Она кричала, но не раздавалось ни звука. Инспектор снова обвёл комнату глазами и, стягивая перчатки, весело произнёс: "Да, можно приступать".

0120. Робин. Мгновение в янтаре

До Кира был один шаг. До инспектора — шесть с небольшим. Семь — до Ады Мангелис и предположительного центра аномалии. До Бригиты совсем далеко, так что лучше о ней пока не думать. Решать проблему надо в корне, купированием симптомов делу не помочь. Корень, очевидно — это вот самое светящееся веретено за спиной Ады. Ничего похожего Робин в справочниках не встречал, но вывод напрашивался сам собой. Кроме того, фигура на полу отчётливо напоминала отдельные процедуры, связанные с непрямым удалённым воздействием на альфа-омега-поле. Про такие он читал. В данном случае, похоже, ни о чём непрямом и тем более удалённом речи не шло, но приятно было иметь хоть какую-то опору. Успокаивало. Теперь надо вспомнить, что же именно он читал про эти процедуры. Вспомнить медленно, без паники. Паника только замедляет мыслительный процесс.

Инспектор закончил снимать перчатки, аккуратно убрал их за отворот шинели. Робин обратил внимание, что он непрерывно бросал взгляды то на один выход из комнаты, то на другой, а время от времени смотрел и на стеклянную крышу салона. Он нервничает. Значит, у него не всё схвачено. Это можно как-то использовать. Пока непонятно, как, но зарубку на память поставить стоит.

— Верно, я нервничаю, — инспектор продолжал что-то рассматривать в фигуре на полу, не обращая внимания на конвульсии Ады перед собой, но всё так же периодически озираясь. — В уравнении есть одна переменная, которая мне до сих пор совершенно неизвестна. Беглый террорист Дерек Янг, который почему-то очень хочет мне помешать и который находится где-то рядом. Впрочем, я бы на вашем месте не надеялся на его появление. Во-первых, вам он такой же враг, как и мне, и придёт сюда не для того, чтобы вас спасти. Во-вторых, он один и практически без средств. Скорее всего, он станет лишь мелкой помехой, а не критичным препятствием.

О способности чтения мыслей Робин никогда не слышал. Впрочем, он о многом из того, что сейчас происходило здесь, никогда не слышал. Придётся теперь учитывать и такую возможность. Плохо.

— Нет, господа полицейские, я не читаю мысли. Я просто рассуждаю логически, — инспектор посмотрел на висящее переди ним тело Ады, конвульсии которого медленно затихали, и начал аккуратно укладывать его в центр начерченной фигуры. — Кстати, заодно хочу сказать, что вам скорее всего ничто не угрожает. В отличие от госпожи, я постараюсь обойтись без лишних жертв. Жизненная энергия хэль куда более богата, чем у людей. Её должно хватить, чтобы не высушивать вас полностью.

Поза, в которой инспектор расположил тело Ады, была не менее странной, чем фигура, поверх которой оно лежало. Опустив глаза, Робин заметил, что кровь растекается строго по линиям, как будто это не линии вовсе, а желобки. И течёт она куда быстрее, чем можно было бы ожидать при столь небольшой ране.

Вдруг он ощутил движение. Расположение действующих лиц начало меняться. До Кира теперь было буквально полтора пальца, до инспектора — шага два или чуть больше, и расстояние продолжало сокращаться. Что-то подтягивало всех присутствующих, кроме инспектора, к фигуре на полу. Когда Кира начало относить в сторону, Робин догадался — их

расставляют по местам. По буквам, выведенным вокруг фигуры.

Больше всего времени инспектору пришлось потратить на Бригиту — она была на противоположной стороне салона. Взгляд и выражение лица у неё были такими, что Робин удивился, как инспектор не рухнул замертво, а помещение не занялось пламенем. Пока шёл процесс, Робин, уже занявший назначенное ему место, успел заметить, как Кир чуть повернул вытянутую вперёд руку с пистолетом, пока инспектор был занят. Теперь дуло смотрело точно между глаз стоящего напротив охранника. Хороший план. Наверное. Может сработать.

Инспектор отошёл к стене, окинул салон взглядом и сказал — как-то подчёркнуто-жизнерадостно, на этот раз не рисуясь, а как будто действительно для собственного успокоения: "Ну что, полировать зеркало можно до бесконечности. Идеал недостижим, так что сделаем как получилось".

И хлопнул в ладоши.

Дальнейшие события произошли частью одновременно, частью последовательно — с интервалами от долей секунды до секунд — но в восприятии Робина всё равно смешались в один пёстрый шумный ком. Выстрелил пистолет Кира. Разлетелась вдребезги голова охранника напротив. Инспектор неуловимым текучим движением переместился и нанёс Киру удар костяшками правой руки в горло. Лопнул потолок, вниз посыпалось стекло и рухнул чей-то силуэт, сбив одного из двоих оставшихся на ногах охранников. Бригита вскинула руку — теперь было видно, что в ней "четвёрка" — выстрелила инспектору в спину, затвор встал на задержку. Робин поднял свой пистолет. Фигура, свалившаяся с потолка, извернулась, мелькнули вытаращенные глаза, перекошенный рот, рука с большим угловатым пистолетом. Робин внезапно узнал — это был Дерек Янг. Беглый террорист. Бригита отшвырнула пустую "четвёрку" и прыгнула к отлетевшему в сторону пистолету Кира. Инспектор с Киrom повалились на пол, на спине инспектора было видно отверстие от пули между лопаток, но его движения это замедлило лишь немного — он прыгнул на Робина. Кажется, все кричали, каждый что-то своё, но Робин не успевал осознать это, занятый всем прочим. Кажется, кричал и он сам. В последний момент дёрнулся в сторону, рефлекторно сжав палец на спуске. Пуля ударила инспектора в правую сторону груди и немного развернула — только из-за этого он промахнулся. Удар пришёлся Робину в скулу, в глазах потемнело.

В темноте грохнуло ещё два выстрела, с разных сторон. Зрение вернулось. Бригита, стоя на коленях, яростно дёрнула затвор ручной гаубицы Кира. Янг, всё ещё лёжа, целился в Робина, дуло его пистолета дымилось. Нет, не в Робина — куда-то над его плечом. Янг слегка повёл стволом, выстрелил, потом ещё раз и ещё, и ещё. За спиной Робина упало тело. Робин перекатился на бок и обернулся. Инспектор лежал на полу. Его тело слегка шевелилось, как проткнутое булавкой насекомое, взгляд был пуст и устремлён в веретено света по центру комнаты.

Робин прицелился ему в лицо. Инспектор, не меняя направления взгляда, проговорил — одними губами, но Робин почему-то его понял. "Зря ты это, старик. Меня свинец не берёт, ты же видишь".

Из-за спины Робина шагнула Бригита. Вместо пушки Кира в её руке был стилет инспектора. С клинка капала тягучая чёрная кровь. Лицо Бригиты было бледным, как гипс, глаза остекленели. Руки немного тряслись. Робин понял, что она хочет сделать, ровно за

секунду до того, как она встала рядом с лежащим инспектором на колени и с размаху пригвоздила его стилетом к полу, навалившись всем телом — точно через сердце.

Время, только что почти восстановившее последовательное движение, снова рвануло кувыркком. Инспектор исчез — только что был тут, и вот уже только одежда, заляпанная кровью, лежит на полу. Бригита закатила глаза и лишилась чувств. Веретено света погасло — и показалось, что в комнате настала крошечная тьма, хотя на самом деле просто вернулся обычный вечерний полумрак. Последний стоявший столбом с вытянутыми вперёд руками охранник мягко осел на пол. Янг попытался встать.

И именно последнее щелчком вернуло Робину нормально восприятие. В помещении осталось два человека в сознании. Один — опасный вооружённый террорист, второй — он сам. Правда, сделать он ничего не успел — Янг навёл дуло ему между глаз и нажал на спуск. Ничего не произошло. Только сейчас оба заметили, что затвор пистолета Янга стоит в заднем положении — кончились патроны.

— Руки, — Робин услышал свой голос как бы со стороны. Голос был сиплым и сорванным — похоже, он и в самом деле всё это время что-то орал. — Руки вверх. Заряженный ствол в этой комнате остался только у меня.

Янг посмотрел долгим и очень неприятным взглядом. Отбросил пустой пистолет и медленно поднял руки. Робин, не сводя с него прицела, неловко поднялся и кивнул в сторону двери у себя за спиной: "Топай. В прихожую. Там вроде телефон был..."

Пальцы всё ещё немного дрожали. Каждый раз, когда Бригита хотя бы немного теряла сосредоточенность, ручка словно бы сама поворачивалась в ладони, ложась в неё, как рукоятка стилета. Буквы из-за этого приходилось выводить медленно и аккуратно, почерк получался круглый, как у школьницы, и такой же неуверенный.

Кир, скрючившись за своим столом, наоборот, чиркал пером с такой скоростью, что по сторонам временами летели мелкие чернильные брызги. Исписав первые три страницы он сходил через коридор напротив, в приёмную убойного отдела, и притащил оттуда пишущую машинку. Сначала нацелился воспользоваться ей сам, но потом посмотрел на обложившегося справочниками и папками Робина и отдал трофеем ему, пробурчав: "Держи, тебе писать раза в три больше моего".

Поначалу Робин тыкал в клавиши неуклюже, но быстро освоился, и сейчас трещал, как пулемёт, делая паузы только на то, чтобы сменить лист или нырнуть в одну из книг за информацией. Ему и в самом деле предстояло писать больше всех — как штатный эксперт отдела именно он должен был максимально подробно растолковать произошедшее словами, которые поймёт высокое начальство и к которым не смогут придаться другие эксперты.

Перо было совсем новым, не стёртым и не расшатанным, его кончик даже по рыхлой сероватой казённой бумаге скользил без сопротивления. Лишь иногда в пальцах мелькало ощущение упругого сопротивления плоти, расступающейся под клинком, но Бригита уже почти привыкла его игнорировать. Почти. По крайней мере, её больше не тошнило. Как ни парадоксально, помогло осознание того, что это теперь надолго. Только снов она боялась. Предыдущую ночь она провела в мгновенной вспышке чёрного забытья — легла, закрыла глаза, открыла глаза. Это от усталости. Сейчас ей стало лучше, и следующая ночь такой простой уже не будет.

Сбоку послышался скрип — Кир откинулся на стуле, навалившись на спинку. Похлопал по карманам, вытащил пачку сигарет.

— Так, отдел, шабаш! Перекур десять минут, а то от этих бумажек можно крышей уехать. Встаём и выходим. Давайте, давайте!

Он первым поднялся, пнул ножку стула Робина, а в сторону Бригиты сделал шутливый жест, будто хочет схватить её за шкуру.

Они выбрались на балкон в конце общего коридора. Конечно, на первом этаже была штатная курилка, но пользовались ей в основном патрульные — детективы ленились и ходили курить сюда. Сейчас на балконе никого не было, но пепельница на тонкой ножке была полна доверху и некоторые окурки ещё дымились. Комиссариат стоял в низине и был закрыт со всех сторон зданиями, но ветер иногда всё же прорывался, и тогда содержимое пепельницы, которую вечно ленились вытряхивать в мусор, летело вниз, на мостовую, к негодованию дворников.

— Такие дела, — пробурчал Кир, наваливаясь на перила. — Может хоть теперь сраные спецбоеприпасы пришлют.

— Хорошо, что напомнил, — Робин выжидающе протянул руку, дождался, пока Кир, спохватившись, выколочит из пачки две сигареты и подаст ему одну. — Надо будет пнуть

экспертизу. Патроны у Янга непростые были. Хорошо уложил... этого. Прочно. Надо понять, самоделка или как.

— Если не самоделка, да под такой калибр, как у него... — Кир мечтательно улыбнулся, выпуская облачко дыма. — Я б не отказался, чтоб нам такие гаубицы выдали.

— Таскать взопреешь.

— А что с Павлом будет? — спросила Бригита.

— С каким Павлом? — Кир непонимающе моргнул. — А, с Мангелисом. Да хрен его знает. Пока сидит в подвале, подозрение в сообщничестве ему то ли уже оформили, то ли сейчас оформляют. Дальше следствие покажет. Только ему, наверное, похрен уже.

— Почему?

— Да он, похоже, крышей уехал. Говорят, его когда брать пришли, он уже сидел овощем, пузырьки пускал. Доктор приехал пятью минутами позже констеблей, секретарша вызвала.

— И что сказал?

— Мангелис? Ничего, блин.

— Нет, доктор.

— А, этот. Ну, сказал, что шоковое состояние, расстройство от смерти жены. Я ему говорю, дядя, он слюни начал пускать за три часа до того, как ему пришли о смерти жены сказать. А он отмахивается — мол, диагностика штука сложная, а ему недосуг, так что через пару дней приедет посмотреть, тогда, глядишь, что и ясно станет.

— Получается, завтра? — прикинула Бригита.

— Вряд ли, — фыркнул Робин, перебив собиравшегося ответить Кира. — Господин Мангелис теперь опасный государственный преступник. Подозреваемый, да. Но это дела не меняет. Доктор торопиться не будет. А то мало ли.

— Нехорошо как-то... — Бригита поёжилась.

— Да ладно, преступник и есть преступник. Или ты, после всего, их всех ещё и жалеть будешь? — поморщился Кир.

— Он же просто под внушением был! Как ты тогда, только дольше и, наверное, сильнее.

— Это ещё разобратся надо. Вон, охрана тоже под внушением вся была, а ничего. Оба-два, которые выжили, здоровее быков сейчас. Сидят, показания наперегонки пишут. Ладно, покурили и хватит. Мышь, хочешь загадку?

— Ну... да, — озадаченно протянула Бригита.

— Что общего у полиции и сортира?

Робин захихикал — наверное, он эту шутку слышал не раз.

— Не знаю, — ответила Бригита, подумав немного для вида.

— И там, и там дело не считается законченным, пока бумажка не испачкана. Пошли, отчёт сам себя не напишет.

И они пошли дописывать отчёты.

Больше книг на сайте - Knigoed.net